

Время. 1861. №1.

ЖИТЕЛИ ПЛАНЕТЪ

«Однажды у Гегеля, когда пили кофе послѣ обѣда, я стоялъ вмѣстѣ съ нимъ у окна; двадцатилѣтній юноша, я съ восторгомъ смотрѣлъ на звѣздное небо и называлъ звѣзды - жилищемъ блаженныхъ. Но учитель забормоталъ про себя: «Звѣзды - гм! гм! Звѣзды - не что иное, какъ лоснящіеся прыщи на лицѣ неба.»

Гейне

I

Выраженіе Гегеля имѣетъ глубокое значеніе, и можетъ быть мнѣ удастся уяснить его для читателя настоящей статьи. Но, что бы ни говорили Гегель и вся философія, не будетъ ли правъ тотъ, кто не станетъ вовсе читать настоящей статьи? Какое намъ дѣло до жителей планетъ? Къ чему разсуждать о существахъ, о которыхъ мы не можемъ имѣть точныхъ свѣдѣній, съ которыми не можемъ войти ни въ какія сношенія и отъ которыхъ ни въ какомъ

случаѣ намъ не можетъ быть ни тепло ни холодно? Не лучше ли обратить все вниманіе на наши обстоятельства въ сей земной юдоли, о которыхъ мы и безъ того часто разсуждаемъ мало и плохо?

Возраженія справедливыя. Разсужденія о жителяхъ планетъ дѣйствительно могутъ показаться развратнымъ поползновеніемъ мыслей, какъ выражался еще старикъ Добантонъ. Но здѣсь является важное затрудненіе. Конечно для всякаго человѣка существуютъ предметы, до которыхъ ему нѣтъ дѣла; но если рѣшать этотъ вопросъ, то нужно уже рѣшать его правильно и систематически; нужно опредѣлить совершенно строго, до чего человѣку должно быть дѣло и до чего ему не должно быть никакого дѣла. Очевидно вопросъ до такой степени сложный и запутанный, что едвали кто-нибудь рѣшится похвалиться, что нашолъ его рѣшеніе.

Если же кто, не замѣтивъ трудности, питаетъ убѣжденіе, что обладаетъ рѣшеніемъ этого вопроса, то мы такихъ людей не любимъ; потомучто вслѣдствіе

этого у нихъ развивается такое расположеніе ума, что они становятся невыносимы, какое бы прекраснѣйшее сердце ни имѣли.

Дѣло въ томъ, что по счастію или несчастію, но только человѣкъ, говоря словами Добантона, развратень по самой своей природѣ, т. е. ему до всего есть дѣло. Въ этомъ заключается его странность и особенность, которая, какъ легко понять, причинила ему не мало бѣдъ и хлопотъ; но она есть его существенная, коренная принадлежность и можетъ даже служить для его опредѣленія. Человѣкъ есть существо такъ сказать легкомысленнѣйшее въ цѣломъ мірѣ, именно существо, которому до всего есть дѣло.

Вотъ почему отъ древнѣйшихъ временъ человѣкъ постоянно и даже съ особеннымъ любопытствомъ обращался къ задачамъ, по видимому имѣющимъ къ нему самое далекое отношеніе, какое только возможно. Таковы вопросы о началѣ и концѣ міра: въ нихъ человѣкъ отрывается отъ настоящаго и устремляется умомъ въ отдаленнѣйшее

прошедшее и отдаленнѣйшее будущее. Точно таковъ же и вопросъ о планетныхъ жителяхъ. Съ тѣхъ поръ какъ была открыта истинная природа небесныхъ тѣлъ, мысль человѣческая не могла оторваться отъ ихъ загадочнаго міра, отъ ихъ далекихъ и недоступныхъ обитателей. Величайшіе умы послѣднихъ вѣковъ внесли свои имена въ исторію мнѣній о жителяхъ планетъ. О нихъ говорили Кеплеръ, Гюйгенсъ, Лейбницъ, Вольтеръ, Фонтенель, Кантъ и проч.

Конечно авторитеты намъ не страшны; мы такъ увѣрены въ склонности къ заблужденіямъ человѣческаго ума вообще, и въ способности къ открытію истины нашего ума въ особенности, что безъ большихъ затрудненій назовемъ пустыми фантазіями и вздоромъ мысли какого угодно авторитета. Другими словами - мы, такъ или иначе признаемъ себя умами, равноправными со всякимъ другимъ умомъ; худо или хорошо, но мы сами судимъ и рѣшаемъ всякой вопросъ и признаемъ за собою власть перевершить всякое дѣло,

къмъ бы оно прежде поведено ни было. И слѣдовательно кто бы ни говорилъ о жителяхъ планетъ, можетъ быть мы сочтемъ за болѣе благоразумное - молчать. Молчаніе есть мудрость тѣхъ, кому нечего говорить. Мудрость эта не постыдная и не маловажная; потомучто она требуетъ умѣнья ясно отличать дѣйствительную мысль отъ всего другого, что бродитъ въ головѣ. Но вовсе молчать нельзя, а молчать объ одномъ и говорить о другомъ - очень опасно; потомучто не проговориться нѣтъ никакой возможности. Выразивъ опредѣленное мнѣніе о какихъ-нибудь предметахъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно опредѣлимъ взглядъ нашъ на другіе предметы, о которыхъ повидимому умолчали самымъ тщательнымъ образомъ. Что касается до жителей планетъ, то я надѣюсь убѣдить читателя, что не говорить о нихъ рѣшительно невозможно. Многіе великіе ученые, изъ похвальной осторожности, не говорили о нихъ ни слова; но осторожность пропала даромъ, потомучто они рѣшились при этомъ имѣть

такія мнѣнія, которыя сейчасъ показываютъ, какъ они думали о планетныхъ жителяхъ.

Такъ напимѣръ великій изъ великихъ знатоковъ неба - Лапласъ почти ничего не говоритъ объ обитателяхъ свѣтилъ. Строгій математикъ, скептикъ и матеріалистъ, онъ любилъ разсуждать точно и признавалъ вполнѣ истинною одну математику. Между тѣмъ въ своей знаменитой книгѣ - изложеніе системы міра, въ концѣ, онъ не удержался и сдѣлалъ нѣсколько нематематическихъ соображеній. Вотъ они:

«Астрономія, по достоинству своего предмета и по совершенству своихъ теорій, есть прекраснѣйшій изъ всѣхъ памятниковъ человеческого ума, подвигъ, приносящій ему наибольшую честь. Увлеченный обманомъ чувствъ и своего самолюбія, человекъ долгое время смотрѣлъ на себя, какъ на средоточіе движенія свѣтилъ, и суетная гордость его была наказана ужасомъ, который они ему внушали. Наконецъ многолѣтніе труды расторгли завѣсу, скрывавшую отъ его взоровъ

систему міра. Тогда онъ увидѣлъ, что находится на планетѣ, почти незамѣтной въ солнечной системѣ, которая сама, не смотря на свое громадное протяженіе, есть не болѣе, какъ ничтожная точка въ безконечности пространства. Великія слѣдствія, къ которымъ привело его это открытіе, легко могутъ вознаградить его за ту степень, на которую оно низвело землю; его собственное величіе доказывается чрезмѣрною малостію основанія, послужившаго ему для измѣренія небесъ.»

«Будемъ тщательно сберегать, постараемся увеличить это сокровище высокихъ познаній, отраду мыслящихъ существъ. Они оказали важныя услуги мореплаванію и географіи; но величайшее ихъ благодѣяніе заключается въ томъ, что они разсѣяли страхъ, внушаемый небесными явленіями, и искоренили заблужденія, порожденныя незнаніемъ нашихъ истинныхъ отношеній къ природѣ, страхъ и заблужденія, которые тотчасъ же возникли бы снова, если бы угасъ свѣточъ наукъ.»

Съ перваго взгляда эти слова кажутся не болѣе, какъ невинною похвалою астрономіи. Говорить о пользѣ наукъ повидимому есть дѣло позволительное и отнюдь не дерзкое; а между тѣмъ посмотрите, куда это завело Лапласа. Почему онъ думаетъ, что предметъ астрономіи имѣетъ высокое достоинство? Не говоря о человѣкѣ, самое простое животное или растеніе выше всякой планеты и всякой звѣзды, если подъ планетою и звѣздою разумѣть только безжизненную глыбу. Величина не есть достоинство; ея нельзя принимать за величіе. Астрономія, говоритъ Лапласъ, открыла человѣку истинную систему міра. Значить ли это, что она способствовала постиженію сущности міра? Нисколько. Прежде думали, что земля неподвижна, а свѣтила движутся около нея; потомъ нашли, что скорѣе можно принять солнце за неподвижное и что земля около него движется. Чтоже тутъ важнаго? вмѣсто одного движенія нужно принять другое - и больше ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь астрономія не доказала, что солнце совершеннѣе, лучше, выше, достойнѣе земли; она доказала только, что оно больше земли. Если человѣкъ, принимая землю за неподвижную, только по суетной гордости могъ считать это за ея достоинство и преимущество, то по какому же праву просвѣщенный астрономъ считаетъ солнце выше только за то, что не оно ходитъ вокругъ земли, а земля около него? Со стороны солнца было бы не простительнымъ увлеченіемъ самолюбія считать себя выше только потому, что около него вертятся планеты.

Точно такъ нельзя согласиться и съ тѣмъ, будто бы астрономія открыла малость земли. Такое открытіе рѣшительно невозможно. Лапласъ прямо говоритъ, что земля мала въ сравненіи съ безконечностію пространства. Но спрашивается, что же можетъ быть велико въ сравненіи съ этою безконечностію? Какимъ образомъ великій математикъ могъ упустить изъ вида, что великость и малость суть понятія

относительныя и что въ сравненіи съ безконечностію нѣтъ ничего ни великаго ни малаго? Если бы наша земля занимала все пространство солнечной системы, то и тогда она была бы, по словамъ самого Лапласа, незамѣтною точкою въ мірозданіи. Слѣдовательно вообще, какое бы протяженіе ни занимала земля, она никогда не могла бы быть великою. Лапласъ намекаетъ на то, что будто бы земля представляетъ недостаточно-широкое основаніе для измѣренія небесъ. Но спрашивается, какое же основаніе было бы достаточно-велико? Опять нужно сказать - небеса неизмѣримы, и слѣдовательно никакая мѣрка не была бы какъ разъ впору для ихъ измѣренія. Скорѣе наоборотъ - изъ того, что мы, сидя на землѣ, успѣли измѣрить небо, совершенно ясно, что земля для этого достаточно велика. Вообще же о землѣ никакъ нельзя сказать, велика ли она, или мала. Если мы не станемъ ея мѣрить совершенно негоднымъ аршиномъ - безконечностію, а поищемъ другой мѣры, то весьма легко можетъ оказаться, что

земля имѣеть надлежащую величину. Тѣ, которые писали о жителяхъ планетъ, всегда полагали, что должно быть нѣкоторое отношеніе между величиною планеты и величиною ея обитателей. Если мы станемъ разсматривать землю съ этой же точки зрѣнія, то найдемъ, что она достаточно велика въ отношеніи къ человѣческому росту. Людямъ на землѣ просторно, и человѣчество до сихъ поръ не могло пожаловаться на то, что ему мало мѣста. Что же касается до будущаго, то и за него трудно приходитъ въ особенный страхъ. Три, четыре тысячи милльоновъ легко помѣстятся на земномъ шарѣ, такъ чтобы гуляя не стѣснятъ другъ друга; при томъ они составятъ такое многочисленное и разнообразное общество, что мы не вправѣ будемъ жаловаться, если численное увеличеніе его прекратится. Въ самомъ дѣлѣ, вѣроятно со временемъ число рождающихся будетъ равно числу умирающихъ, то-есть размноженіе естественнымъ образомъ уравнивается съ смертностію. Пожаловаться на малость

земли можно бы было только въ томъ случаѣ, если бы намъ не достало мѣста прежде этого уравновѣшенія.

И такъ - напрасно Лапласъ утверждаетъ, что астрономія низвела землю на какую-то низшую степень достоинства; само собою понятно, что вовсе не во власти астрономіи опредѣлять достоинство свѣтилъ. Между тѣмъ совершенно ясно, что Лапласъ придаетъ этому мнимому опредѣленію особенно важное значеніе. Астрономія оказала великія услуги мореплаванію и географіи, - казалось бы, чтъ важнѣе? Дѣло идетъ о прямой, дѣйствительной пользѣ для человѣчества; но Лапласъ находитъ, что не въ этомъ состоитъ величайшее благодѣяніе астрономіи, а въ томъ, что она искоренила заблужденія, порожденныя незнаніемъ нашихъ истинныхъ отношеній къ природѣ.

Что же все это значитъ? Что разумѣетъ Лапласъ подъ истинными отношеніями къ природѣ? Вообще - какая тайная мысль увлекла творца небесной механики къ

такимъ явно-непоследовательнымъ сужденіямъ?

Мысль о жителяхъ планетъ. Предположите только, что ихъ постоянно имѣлъ въ виду Лапласъ, и слова его легко объяснятся. Въ самомъ дѣлѣ, не въ томъ дѣло, что человѣкъ прежде считалъ землю неподвижною, а въ томъ, что онъ считалъ только одну ее обитаемою, что онъ принималъ свой родъ за единственныхъ жителей міра, и себя за единственное богоподобное твореніе. Когда же открылось, что небесныя свѣтила имѣютъ ту же природу, какъ и земля, неизбежно возникло сомнѣніе въ справедливости такихъ убѣжденій. Воображеніе съ неудержимымъ увлеченіемъ стало населять планеты и звѣзды существами, подобными человѣку. Число и совершенство этихъ существъ невольно сообразовались съ величиною и блескомъ ихъ жилищъ. И вотъ откуда проистекли тѣ мнѣнія, которыя выражаетъ Лапласъ. Предметъ астрономіи потому высокъ, что эти звѣзды - не просто безжизненныя круглыя глыбы; это цѣлые

міры, исполненные всѣми богатствами жизни и красоты, такъ что наше понятіе о мірозданіи было бы ничтожно, если бы мы не знали объ этихъ мірахъ. Земля, ставъ изъ средоточія планетою, не потому потеряла свое достоинство, что сдѣлалась подвижною, а потому что явилась только малымъ звѣномъ въ системѣ планетъ, столько же, или еще болѣе одаренныхъ благами жизни. Не потому земля мала, что она меньше солнца и т. д., но потому что человѣкъ, живущій на землѣ, ничтоженъ въ сравненіи съ тѣми существами, которыя должны населять громадное и блистательное солнце или другія звѣзды. Вотъ какой взглядъ Лапласъ называетъ знаніемъ нашихъ истинныхъ отношеній к природѣ. Человѣкъ долженъ вообразить себѣ, что онъ окружонъ безчисленными мірадами міровъ, простирающихся въ безконечность, гдѣ живутъ, мыслятъ и дѣйствуютъ существа безконечно-разнообразныя, которыхъ совершенство можетъ несравненно превышать всякое человѣческое совершенство. Вотъ что

открыла астрономія, вотъ ея величайшее благодѣяніе. Человѣкъ не имѣетъ права признавать за собою исключительное богоподобіе, не долженъ имѣть притязаній на абсолютную истину; онъ - песчинка въ океанѣ существованія, и жизнь его, со всѣмъ ея содержаніемъ, съ его знаніемъ и душою - ничтожна, какъ чуть-видная волна въ этомъ океанѣ.

Вы видите, читатель, что все это ясно и послѣдовательно. Если же наоборотъ, на планетахъ нѣтъ жителей, то очевидно земля, какова бы она ни была, есть прекраснѣйшая планета; если звѣзды пусты, то какъ бы они огромны и многочисленны ни были, земля будетъ истиннымъ центромъ мірозданія, и человѣкъ - царемъ природы, главнымъ существомъ міра, цѣлью и смысломъ всего существующаго. Скромныя разсужденія Лапласа о пользѣ астрономіи отвергають подобный взглядъ; онъ говоритъ такъ, какъ-будто жители планетъ несомнѣнно существуютъ. Но справедливо ли это? Есть ли дѣйствительно жители на планетахъ?

II

Прежде всего замѣчу, что не только у насъ нѣтъ никакихъ сколько-нибудь важныхъ причинъ принимать ихъ существованіе, но что даже самое легкое, простое и ясное предположеніе будетъ именно отрицаніе этого существованія. Тутъ мы не встрѣтимъ никакого противорѣчія, никакого затрудненія. Обыкновенно, какъ сильнѣйшій аргументъ въ пользу жителей планетъ, предлагаютъ вопросъ: для чего же существуетъ это безчисленное множество небесныхъ тѣлъ? Но вопросъ этого рода, что вовсе не требуетъ необходимо отвѣта. Если планеты и звѣзды суть пустыя глыбы, то само собою разумѣется, что онѣ никуда не годятся; очень странно было бы, если бы всякая звѣзда, потому только что она толста и тяжела, имѣла претензію непременно быть жилищемъ разумныхъ существъ. Для разумныхъ существъ конечно нужно было устроить удобное и пріятное жилище; но отсюда не слѣдуетъ,

чтобы наоборот для звѣздъ непременно нужно было насоздавать разумныхъ существъ. Нельзя сказать: какъ жалко, что такіе прекрасные шары остаются безъ обитателей! Потомучто чего же здѣсь жалѣть? Звѣзды, если онѣ представляютъ только грубую, мертвую массу, суть нѣчто совершенно ничтожное; онѣ почти тоже, что пустое пространство. Нельзя также говорить, будто бы онѣ стоили природѣ большихъ трудовъ и что безъ жителей всѣ эти труды остаются втунѣ. Если уже принять такое человѣкоподобное представленіе природы, то скорѣе же можно сказать, что малѣйшая органическая клѣточка ей стоитъ болѣе труда, чѣмъ всѣ звѣзды, взятыя вмѣстѣ. Можно пожалѣть о человѣкѣ, у котораго нѣтъ руки или даже одного пальца; но нельзя жалѣть о камнѣ, что у него нѣтъ головы съ мозгомъ: очевидно камень не заслуживаетъ того, чтобы имѣть голову. А такъ какъ звѣзды въ нашемъ предположеніи суть не болѣе какъ камни, хотя и очень большіе, то нѣтъ никакой причины предполагать какую-то

несообразность въ томъ, что они лишены разумныхъ обитателей. Жизнь, въ полномъ ея объемѣ, есть нѣчто столь прекрасное и великое, что передъ нею ничтожны ужасающія массы и разстоянія планетъ; такъ-что не будетъ никакой диспропорціи, ничего уродливаго и несоразмѣрнаго, если представимъ только одну планету украшенною жизнью и всѣ другія пустыми и безмолвными.

Очевидно вопросъ нужно совершенно оборотить: планеты и звѣзды не нуждаются въ жизни, но не нуждается ли жизнь въ планетахъ и звѣздахъ? То есть - быть можетъ, жизнь такъ разнообразна и богата, что не можетъ помѣститься на одной землѣ. Не заключается ли въ жизни такое глубокое содержаніе, что она не можетъ ограничиться тѣми формами, въ которыхъ проявляется на землѣ, что она должна въ другихъ равныхъ или даже лучшихъ формахъ обнаруживаться на другихъ свѣтилахъ? Можетъ быть, жизнь даже совершенно неисчерпаема, такъ-что сколько бы ни было звѣздъ и планетъ, для

нея все будетъ мало, и она никогда не успѣтъ выразиться во всей своей полнотѣ? Такое пониманіе жизни, такое желаніе представлять себѣ иную жизнь, отличную отъ нашей человѣческой - вотъ безъ сомнѣнія главное основаніе, по которому мы населяемъ планеты жителями. Очевидно не астрономія открыла или усилила это стремленіе человѣческаго духа; астрономія разсматриваетъ свѣтила именно только какъ камни, т. е. какъ тѣла тяжолыя, имѣющія взаимное притяженіе; такъ-что она дала только поводъ къ игрѣ нашей фантазіи, указала намъ мѣсто, которое мы могли населить своими созданіями. Если прежде изъ того же стремленія родились олимпійскіе боги, или духи подземные, водяные и воздушные, то нынѣ, когда болѣе точныя изслѣдованія доказали отсутствіе этихъ существъ въ указанныхъ мѣстахъ, мы, сообразуясь съ научными открытіями, нашли, что эта иная, не-наша жизнь, вмѣсто Олимпа, воздуха и воды, можетъ помѣститься на другихъ планетахъ. Мы радуемся, что астрономія развязала

намъ руки или, выражаясь другими словами, доказала безконечность мірозданія. Теперь, если бы даже строгія изысканія показали, что на планетахъ нашей солнечной системы вовсе нѣтъ жителей, мы не будемъ нисколько въ затрудненіи: мы поселимъ ихъ на ближайшихъ къ намъ звѣздныхъ системахъ; если же и тѣ окажутся пустыми, мы будемъ подвигаться дальше и дальше и будемъ при этомъ находиться въ пріятной увѣренности, что мѣста для нашихъ поселеній всегда хватить.

Понятіе объ иной жизни, отличной отъ человѣческой, глубоко и крѣпко коренится въ человѣческомъ духѣ. Какъ легко видѣть, оно имѣетъ значеніе величайшей важности; потомучто неразрывно связано съ тѣмъ смысломъ, какой мы придаемъ нашей земной жизни. По этому фантастическія, безконечно-разнообразныя представленія иной жизни, которыми отъ древности и до нашихъ дней сопровождается исторія человѣческаго мышленія, всѣ имѣютъ положительное значеніе, всѣ могутъ быть

истолкованы какъ свѣтлый или темный фонъ, на которомъ рѣзко рисуются формы нашей земной, человѣческой жизни. Это царство тѣней, эти блестящіе и мрачные призраки толпятся вокругъ человѣка какъ-будто только для того, чтобы среди нихъ тѣмъ осязательнѣе и выпуклѣе выдалась его дѣйствительная, непризрачная фигура. Такимъ образомъ мы строимъ эти существа на основаніи пониманія нашей жизни, и слѣдовательно вопросъ о жителяхъ планетъ долженъ обратиться въ слѣдующій: - можемъ ли мы такъ понимать нашу жизнь, такъ смотрѣть на нее, чтобы, выходя изъ этого взгляда, можно было правильнымъ образомъ населить планеты?

Вопросъ обширный въ высочайшей степени. Чтобы видѣть, какъ онъ рѣшается и возможно ли его рѣшеніе, мы можемъ впрочемъ остановиться на какомъ-нибудь частномъ случаѣ, взять какой-нибудь отдѣльный образчикъ этой иной жизни, которую мы ищемъ. Другими словами - начнемъ населять планеты, возьмемъ тѣ образы, которые встрѣчаются у писателей

или даже стали ходячими мнѣніями, и посмотримъ, возможны ли они.

Помню, въ одномъ многолюдномъ ученомъ засѣданіи зашла рѣчь о томъ, что, можетъ быть, послѣ нашей геологической эпохи, послѣ новаго переворота явятся на землѣ существа болѣе совершенныя, чѣмъ люди. Одинъ изъ членовъ собранія отвергалъ возможность такого событія, но другой, весьма извѣстный профессоръ и притомъ профессоръ зоологіи утверждалъ, что это легко можетъ быть. «Почему вы знаете, наконецъ спросилъ онъ, что послѣ насъ на землѣ не явятся напримѣръ люди съ крыльями? Они будутъ летать, а не ходить; а летать гораздо лучше, чѣмъ ходить!»

Вотъ простая и совершенно опредѣленная черта иной жизни. Притомъ крылатый человѣческій образъ не есть открытіе почтеннаго профессора; какъ извѣстно, этотъ образъ есть одна изъ любимыхъ формъ, въ которой человѣкъ воображаетъ высшія существа. Летать, имѣть крылья - всегда было особенно-желаннымъ для

людей; не мало высказано было и жалобъ на то, что у насъ недостаетъ крыльевъ.

Но если поэту, художнику или простому мечтателю и позволительно говорить о людяхъ съ крыльями, то на подобныя рѣчи менѣе всякаго другого сорта людей имѣютъ право именно профессора зоологіи. Именно для зоолога человѣкъ съ крыльями есть нелѣпость, есть явное противорѣчіе.

Профану въ зоологіи позволительно не знать, что крыльямъ птицъ у человѣка соотвѣтствуютъ руки, и потому позволительно привѣшивать крылья сзади рукъ; но зоологъ долженъ знать, что нѣтъ и никогда не было позвоночныхъ животныхъ съ шестью членами; слѣдовательно зоологъ, предполагая крылатаго человѣка, долженъ предположить, что этотъ человѣкъ безъ рукъ, что его руки превращены въ крылья. Человѣкъ безъ рукъ! Не правда ли, что это почти то же, что человѣкъ хотя съ руками, но безъ лица? Рука, послѣ лица, есть самая подвижная, самая живая часть тѣла. Пожатіе руки соотвѣтствуетъ поцѣлую; рука, также какъ лицо, выражаетъ душу, и

потому въ ней, также какъ въ лицѣ, преимущественно проявляется красота. Безрукій человекъ - крайнее безобразіе, не говоря уже о томъ, что быть безъ рукъ значить быть калѣкою въ высочайшей степени; потомучто рука есть главный органъ дѣятельности.

Нѣтъ и не было позвоночныхъ животныхъ, у которыхъ было бы больше четырехъ членовъ; по этому для зоолога предположеніе шести членовъ странно и дико; правильный и естественный ходъ мыслей внушаетъ ему, что если у позвоночныхъ нѣтъ и не было шести членовъ, то вѣроятно потому, что шести членовъ у нихъ не можетъ быть. Это называется наведеніемъ.

Но оставимъ грубый опытъ и эмпирическіе выводы: путешествуя по планетамъ или переносясь въ грядущія времена, мы очевидно не должны ни чѣмъ стѣсняться. Тутъ мы находимся въ области чистой мысли, въ царствѣ возможнаго. И такъ пусть у человека будетъ, кромѣ ногъ и рукъ, еще пара членовъ, крылья?

Посмотримъ, далеко ли мы улетимъ на этихъ крыльяхъ.

Часто говорятъ: птицѣ даны крылья для того, чтобы она летала. Это совершенно несправедливо; потомучто однихъ крыльевъ мало для того, чтобы летать. Чтобы летаніе было возможно, нужно сверхъ крыльевъ особенное устройство цѣлаго тѣла: вся анатомія животнаго должна измѣниться. И дѣйствительно вся птица отъ головы до ногъ устроена особеннымъ образомъ, приспособленнымъ къ летанію. Подробности птичьей анатоміи въ этомъ отношеніи представляютъ необыкновенный интересъ. Такъ какъ летаніе есть дѣло трудное, то для достиженія его природа употребила всѣ мѣры, всѣ механическія хитрости, какія только возможны; по необходимости она должна была подчинить этой цѣли всѣ органы. По этому-то и не вѣрно сказать, что для летанія служатъ одни крылья. Между тѣмъ очень обыкновенно случается, что вздумавши представить какое-нибудь существо летающимъ, мы просто придѣлываемъ ему

крылья, не измѣняя нисколько всего остального.

Итакъ - если человѣкъ желаетъ летать, то его тѣло должно быть измѣнено. Укажу здѣсь на одну черту птичьяго тѣла, которая прямо бросается въ глаза. Тѣло птицы существенно отличается тѣмъ, что образуетъ округленную сплошную массу, безъ видимыхъ раздѣленій. Шея съ головою и ноги имѣютъ очень малый размѣръ въ сравненіи съ туловищемъ, въ которомъ сосредоточена вся тяжесть тѣла. Но законамъ механики такая форма необходимо требуется для удобства летанія; безъ нея птица не могла бы управлять своимъ полетомъ. Слѣдовательно, давая крылья человѣку или лошади, невозможно вообразать, что ихъ туловище сохраняетъ прежнюю форму; оно должно сосредоточиться, образовать неподвижную, округленную массу.

Не правда ли, какое страшное безобразіе! Наше чувство вообще невольно возмущается противъ всякаго отступленія

отъ прекраснаго человѣческаго образа.
Видали ли вы Аполлона Бельведерскаго?

Лукъ звенить, стрѣла трепещеть,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещеть,
Бельведерскій Аполлонъ.

Но у него блещеть не только лицо, онъ весь сіяетъ, съ головы до ногъ; олимпійская сила и гордость свѣтится въ каждомъ напряженномъ мускулѣ отъ шеи и до ступней; положеніе cadaго сустава, каждый изгибъ дышетъ и говоритъ. Какимъ образомъ могло бы это отразиться на бессмысленно-кругломъ туловищѣ птицы? Куда бы дѣвалась эта красота, это видимое и осязаемое проявленіе силы и смѣлости? Человѣкъ съ туловищемъ птицы есть нелѣпость. Но не здѣсь еще кончается его преобразование, если онъ вздумаетъ летать. Читатель чувствуетъ, что мы только слегка касаемся здѣсь вопроса, способнаго къ широкому и математически-строному развитію. Летаніе есть опредѣленный

механическій процессъ; онъ возможенъ только при извѣстныхъ механическихъ условіяхъ. Выводя эти условія одно за другимъ со всевозможною точностію, мы нашли бы, что тѣло человѣка, чтобы подходить подъ эти условія, должно все болѣе и болѣе приближаться къ тѣлу птицы. Такимъ образомъ мы убѣдились бы, что летать можетъ только птица, и что человѣкъ и лошадь, чтобы летать, должны превратиться въ птицъ.

Укажу здѣсь только на одно обстоятельство; птицы, вообще говоря, гораздо меньше звѣрей. Это не есть капризъ природы, ея произвольное распоряженіе. Нѣтъ, это зависитъ отъ того, что животныя слишкомъ большія, слишкомъ массивныя не могутъ летать, то есть изъ костей и мускуловъ, изъ тяжей и перьевъ невозможно построить летающее существо, котораго вѣсъ былъ бы больше извѣстнаго предѣла. Отсюда слѣдуетъ, что если человѣкъ желаетъ летать, то онъ долженъ уменьшиться до величины какого-нибудь кондора или пеликана. Меньшая

величина повидимому не бѣда; но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ тѣла должно произойти и уменьшеніе мозга, а имѣть въ головѣ мало мозга, какъ извѣстно, есть истинное несчастіе, бѣдствіе невознаградимое.

Что же мы выведемъ изъ всего этого? Птицами намъ быть вовсе не хочется, мы хотѣли бы остаться людьми и только получить способность летать. Если же мы готовы отказаться отъ летанья, лишь бы остаться людьми, то спрашивается, ужели человѣческія движенія имѣютъ такое низкое значеніе, что мы должны завидовать движеніямъ птицы, ея полету? Почему упомянутый выше профессоръ зоологіи провозгласилъ съ такою увѣренностію, что летать лучше, чѣмъ ходить?

Рѣшить, что лучше и что хуже - дѣло вовсе не легкое; приниматься за такой вопросъ легкомысленно и торопливо вовсе не слѣдуетъ. Очевидно, преимущество птицы передъ человѣкомъ состоитъ въ скорости передвиженія. Но развѣ скорость есть единственное достоинство движеній? Развѣ можно сказать, что чѣмъ движеніе скорѣе,

тѣмъ оно лучше? Скоро, да не споро, тише ѣдешь - дальше будешь, говоритъ русская пословица. И дѣйствительно достоинство движеній состоитъ главнымъ образомъ не въ скорости, но въ томъ, что содержится въ самыхъ движеніяхъ, что ими достигается. Сила движеній, ихъ свобода, ихъ многообразіе гораздо важнѣе, чѣмъ скорость. И легко убѣдиться, что человѣкъ въ этомъ отношеніи превосходитъ всякую птицу. Принимая въ соображеніе тяжесть человѣка, мы найдемъ, что и поступь его въ высочайшей степени легка и быстра, но сверхъ того нѣтъ ни одного животнаго, которое бы во время передвиженія до такой степени свободно владѣло своимъ тѣломъ, какъ человѣкъ. Птица совершенно поглощена своимъ полетомъ; дѣлать что-нибудь на лету она не можетъ. Между тѣмъ человѣкъ, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, въ тоже время можетъ свободно и сильно дѣйствовать всѣми верхними частями своего тѣла. Ни одно животное не способно къ такимъ разнообразнымъ движеніямъ, какъ человѣкъ. На этомъ основана гибкость,

разнообразное расчлененіе, стройное соотношеніе многихъ частей - тѣ черты, которыми рѣзко отличается человѣческое тѣло и которыя такъ восхищаютъ насъ въ его прекрасныхъ образцахъ. Въ человѣкѣ природа разрѣшила высокую механическую задачу - сочетать наибольшую легкость движеній съ наибольшею ихъ силою и свободою и съ наибольшимъ разнообразіемъ. Птицамъ завидовать намъ не въ чемъ.

Да и за чѣмъ намъ крылья? Такъ иногда вздумается - хорошо бы полетѣть да сѣсть на крестъ Исакія, чтобы взглянуть оттуда на Петербургъ; или вдругъ захочется отъ скуки слетать въ Одессу, нечаянно влетѣть въ окно къ стариннымъ знакомымъ и спросить ихъ: ну, какъ вы здѣсь поживаете? Но чтобы вообще мы имѣли склонность къ воздушной жизни, этого нельзя сказать. Мы вовсе не желаемъ непрерывно шнырять по воздуху, жить воровствомъ, подхватывая себѣ добычу то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, ночевать на скалахъ, на деревьяхъ или на вершинахъ

церквей и башень. Если же такъ, то для чего же бы мы стали подниматься на воздухъ и что бы мы такое важное стали тамъ дѣлать? Очевидно, если бы мы имѣли крылья, то сохраняли бы ихъ только на случай капризовъ или черезъ-чуръ хорошей погоды, а въ обыденной жизни пользовались бы ими развѣ какъ опахалами.

И такъ мы должны отказаться отъ крыльевъ, какъ для существъ новаго геологическаго періода, такъ и для жителей планетъ, если вздумаемъ населять ихъ не одними птицами, но и человѣкоподобными существами. Впрочемъ бѣда была бы небольшая, еслибы пришлось отказаться отъ однихъ крыльевъ; но читатель вѣроятно замѣтилъ, что мы вообще не смѣемъ измѣнять человѣческаго образа. Не потому только, что всякое измѣненіе было бы безобразіемъ, было бы нарушеніемъ той чарующей красоты, которую нѣкоторые стараются объяснить простою, т. е. пустою привычкою, но также и потому, что измѣняя фигуру, мы существенно

нарушаемъ механическія условія строенія тѣла, слѣдовательно искажаемъ всю физическую дѣятельность существа. Произвольно измѣняя форму человѣческаго тѣла, не только создадимъ безобразныя чудища, но мы сотворимъ калѣкъ, безсильныхъ, немощныхъ уродовъ. Если же при своихъ созданіяхъ мы будемъ строго слѣдовать законамъ механики, то во всякомъ случаѣ мы не можемъ изобрѣсти новые человѣкоподобные или превосходящіе человѣка образы, но непременно придемъ къ формамъ животноподобнымъ, слѣдовательно низшимъ даже въ механическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно обманываться тѣмъ, что животныя часто отличаются страшною силою, быстротою, легкостію движеній. Легко убѣдиться, что здѣсь нѣтъ преимущества передъ человѣкомъ, именно потому что въ этихъ свойствахъ обнаруживается механическая односторонность животныхъ. Левъ - царь звѣрей, не смотря на то, что есть многія животныя больше, сильнѣе и быстрѣе его.

Человѣкъ же имѣеть преимущество надъ самымъ львомъ: онъ боролся съ нимъ и истреблялъ его гораздо прежде, чѣмъ поумнѣлъ до того, что выдумалъ порохъ.

III

И такъ - создать животное, котораго физическая дѣятельность была бы лучше (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) человѣческой, невозможно. Изъ легкихъ замѣчаній, которыя я сдѣлалъ выше, видно, что полное доказательство этого положенія должно основываться на законахъ механики. Законы же механики принадлежать къ числу необходимыхъ законовъ. То есть мы не можемъ вообразить, что гдѣ бы то ни было, на другихъ ли планетахъ нашей солнечной системы, или на другихъ солнечныхъ системахъ въ самой безконечности небесъ, эти законы не соблюдаются. Законы механики въ этомъ отношеніи совершенно похожи на теоремы геометріи. Эти теоремы справедливы вездѣ безъ исключенія. На

этомъ замѣчаніи былъ даже нѣкогда построенъ весьма основательный проектъ, имѣвшій цѣлю войти въ прямыя сношенія съ жителями луны. Какой-то ученый, и едвали не нѣмецкій, предлагалъ какому-то правительству гдѣ-нибудь на большихъ пространствахъ изобразить яркими огнями какой-нибудь геометрической чертежъ, на примѣръ чертежъ пиѳагоровой теоремы. Жители луны, которые вѣроятно не менѣе Пиѳагора радовались открытію этой теоремы и можетъ быть также принесли за это въ жертву сто лунныхъ быковъ, безъ сомнѣнія узнали бы чертежъ и любезно отвѣчали бы намъ другимъ чертежомъ. Ученый, кажется, прибавлялъ еще, что если бы этотъ способъ не удался, т. е. если бы оказалось, что жители луны не знаютъ геометріи, то мы бы по крайней мѣрѣ убѣдились, что съ ними не стоитъ знакомиться. Прекрасную теорему доказалъ бы тотъ, кто вывелъ бы математически-строго, что форма человѣческаго тѣла также ясно указываетъ на механическое совершенство человѣка,

какъ чертежъ пиѳагоровой теоремы указываетъ на самую теорему. Тогда, ища жителей на планетахъ, мы также бы надѣялись найти тамъ человѣческія формы, какъ указанный выше ученый надѣялся, что жители луны знаютъ геометрію.

Для полной ясности нужно впрочемъ прибавить, что человѣческая фигура зависитъ не только отъ механическихъ законовъ, по которымъ построена, но и отъ вещества, изъ котораго построена. Форма и размѣры каждой машины непременно зависятъ отъ ея матеріала; такъ деревянные часы не могутъ быть такъ малы и плоски, какъ металлическіе. По этому для искателей новыхъ формъ остается еще возможность измѣнить человѣческую фигуру, предполагая другой матеріаль. Можетъ быть, скажутъ они, нервы и мускулы планетныхъ жителей устроены изъ другого вещества, чѣмъ наши, и потому и вся машина ихъ тѣла имѣетъ несравненно высшее достоинство, хотя и построена по тѣмъ же механическимъ законамъ.

Вопросъ трудный; физиологи ничего не знаютъ о связи между сущностию извѣстнаго намъ вещества и сущностию организмовъ; они не могутъ доказать такого положенія: для органической дѣятельности необходимо именно такое вещество, какое мы находимъ въ организмахъ. Какъ-то Молешоттъ вздумалъ выразиться, что для мышленія необходимъ фосфоръ; вѣроятно оно такъ и есть, да бѣда въ томъ, что вѣдь это нужно доказать. А говорить это безъ доказательства значить ни больше ни меньше, какъ сказать, что для мышленія необходимо имѣть голову, да при томъ еще не пустую, а съ мозгомъ.

Попробуемъ однакоже разсмотрѣть болѣе простые случаи. Возьмемъ не физиологовъ, а людей болѣе точныхъ - физиковъ и химиковъ. Повѣрятъ ли они, что въ другихъ мірахъ явленія, ими изучаемыя, совершаются иначе, потому что вещество тамъ другое? Напримѣръ, что свѣтъ тамъ иначе преломляется, что различныхъ состояній тѣлъ не три - твердое, жидкое и газообразное, а четыре или пять, что тѣла

соединяются химически не въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и т. д.? Едва ли ктонибудь не согласится, что подобныя предположенія невозможны. Понятно, что физики и химики, занимаясь болѣе простыми явленіями, яснѣе могутъ видѣть, что эти явленія связаны съ самою сущностію вещества и прямо вытекаютъ изъ нея; они стараются даже на самомъ дѣлѣ вывести изъ этой сущности наблюдаемые ими законы явленій, на примѣръ посредствомъ теоріи атомовъ. Молешоттъ же только похвастался передъ несвѣдущими людьми, давая имъ разумѣть, будто бы физиологія также ясно выводитъ мышленіе изъ фосфора, какъ химія выводитъ изъ атомовъ опредѣленныя пропорціи соединеній.

Физикъ, принимающій теорію атомовъ, необходимо принимаетъ, что и на отдаленнѣйшихъ звѣздахъ вещество состоитъ изъ атомовъ; химикъ, полагающій, что опредѣленныя пропорціи соединеній объясняются свойствами атомовъ, необходимо полагаетъ, что въ цѣломъ

мірозданіи вещества соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Однимъ словомъ, добираясь до сущности нашего земного вещества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрены, что добираемся до той единой сущности, которая служитъ основою всего вещественнаго міра. Мы и теперь исповѣдуемъ тоже ученіе, какое проповѣдывалъ Ѡалесъ, т. е. что всѣ тѣла образованы изъ одного матеріала, хотя и несогласны съ нимъ въ томъ, что этотъ матеріаль была вода. Таково неизбѣжное и всегдашнее стремленіе человѣческаго ума, и Молешоттъ былъ бы правъ, если бы сказалъ только, что умъ человѣческой стремится доказать, что и фосфоръ необходимъ для мышленія.

Открыть необходимую связь между явленіями - вотъ общая задача для всего естествознанія. Изъ этого слѣдуетъ, что мы заранѣе убѣждены въ этой связи, но не слѣдуетъ, что мы уже знаемъ эту связь. Сказать, что между всѣми явленіями существуетъ необходимая связь, значить сказать, что всѣ они необходимо

проистекають изъ одной сущности, т. е. сущность непременно полагается единою. Такъ сущность всѣхъ вещественныхъ явленій мы называемъ веществомъ и въ то же время непременно принимаемъ, что вещество вездѣ одно. Потому мы предполагаемъ, что изъ этого единого развивается все разнообразіе міровыхъ явленій, развивается съ совершенною необходимостію. Слѣдовательно, если на землѣ развились организмы, то необходимость такого развитія заключалась въ веществѣ. Поэтому и обратно органическія явленія необходимо требуютъ извѣстныхъ видоизмѣненій вещества; организмы могутъ быть образованы только изъ того матеріала, который мы въ нихъ находимъ.

Въ этомъ отношеніи обыкновенно дѣлають неосновательное различіе между мертвою и органическою природою, и дѣлають не только простые смертные, но и основательные ученые. Мертвой природѣ мы уже привыкли, хотя и не очень давно, приписывать строгую законность,

механическую неизмѣнность дѣйствій. Явленія мертваго міра мы принимаемъ за неизбежное обнаруженіе сущности вещества. Между-тѣмъ организмы кажутся намъ чѣмъ-то менѣе правильнымъ; мы не считаемъ ихъ необходимыми въ мірѣ, и необходимо-такими, какъ они есть. Мы готовы принимать ихъ за какую-то случайную игру вещества, за прихоть природы, или же приписываемъ ихъ формы и явленія произволу постороннихъ силъ, какъ будто фантазіи, создавшей образы ихъ по своему желанію и вкусу и потомъ наложившей эти образы на вещество. Понимать мудрость творенія такимъ образомъ весьма несправедливо. Вотъ прекрасное мѣсто изъ Книги Соломоновой Премудрости, всего лучше поясняющее вопросъ и знаменитое по своему важному смыслу. Писатель разсуждаетъ о Египетскихъ казняхъ и, обращаясь къ Богу, говоритъ:

«А за безумныя и грѣховныя помышленія ихъ, за то, что они поклонялись безсловеснымъ пресмыкающимся и

несмысленнымъ звѣрямъ, ты послалъ имъ въ отмщеніе множество безсловесныхъ животныхъ. Чтобы они знали, что чѣмъ кто согрѣшитъ, тѣмъ и накажется. Потому что развѣ не могла всесильная рука твоя, сотворившая міръ изъ безвиднаго вещества, послать на нихъ множество медвѣдей или лютыхъ львовъ, или же невѣдомыхъ новосозданныхъ звѣрей, исполненныхъ яростію; такихъ, которые дышали бы огненнымъ пламенемъ, или выпускали бы злосмраднѣйшій дымъ, или разсыпали бы изъ очей страшныя искры; даже такихъ, которые могли бы погубить ихъ не только своимъ вредомъ, а однимъ ужасомъ своего вида? Да и безъ того, они могли бы пасть, гонимые только судомъ твоимъ, и быть истреблены и развѣяны однимъ духомъ силы твоей. Но - вся мѣрою, и числомъ, и вѣсомъ расположилъ еси.» (XI глава).
Смысль этого прекраснаго мѣста очевидно тотъ, что и животныя, т. е. высшіе и прекраснѣйшіе организмы, созданы по мѣрѣ, числу и вѣсу, т. е. по законамъ математически-опредѣленнымъ. Развитие

этой мысли неизбѣжно приводитъ къ признанію необходимости животныхъ формъ.

Итакъ, если кто захочетъ вообразать себѣ на планетахъ растенія и животныхъ, то строго говоря, онъ долженъ вообразать ихъ такими, каковы они на землѣ. Такъ физикъ, представляя атмосферу планетъ, принимаетъ, что ея газы слѣдуютъ закону Мариотта и вообще имѣютъ всѣ свойства земныхъ газовъ; такъ химикъ, предполагая, что свѣтъ звѣздъ зависитъ отъ горѣнія, воображаетъ себѣ химическое соединеніе по опредѣленнымъ пропорціямъ; такъ минералогъ, желая представить себѣ минералы планетъ, воображаетъ тѣже кристаллическія формы, какія онъ видѣлъ на землѣ.

Все это не дерзость, не одно пустое самообольщеніе; астрономы, люди, исключительно преданныя небу, спокойно и счастливо идутъ этимъ путемъ. Небесныя явленія они объясняютъ совершенно какъ земныя. Никакой астрономъ не усумнится, что свѣтъ звѣздъ слѣдуетъ тѣмъ же

законамъ, какъ свѣтъ стеариновой свѣчки, что законъ тяжести дѣйствуетъ вездѣ одинаково, что плотность и твердость кометъ ничтожна, потомучто въ нихъ мало вѣсу и т. п. Недавно еще явились попытки опредѣлить химическій составъ луны по тѣмъ лучамъ, которые она отражаетъ, и опредѣлить составъ горящихъ веществъ солнца по свѣту этого горѣнія. Наконецъ къ намъ залетають постоянно падающія звѣзды, камни изъ небеснаго пространства; химики нашли въ нихъ тѣже вещества, какія они уже знали на землѣ.

Однимъ словомъ - изъ всѣхъ фактовъ астрономіи нѣтъ ни одного, который бы отзывался чѣмъ-нибудь совершенно чуждымъ; нѣтъ ни одного, который бы доказывалъ разнообразіе міра. Великіе успѣхи астрономіи напротивъ состоятъ именно въ постепенномъ распространеніи однообразія на все мірозданіе. Чего ни выдумывали люди въ разсужденіи звѣздъ и планетъ! Какихъ стеклянныхъ и эфирныхъ небесъ они не воображали вокругъ себя! Что же оказалось? планеты - таже земля;

звѣзды - тоже солнце; и до безконечности небесъ все тоже и тоже, все солнце, да планеты, да пространство, не имѣющее конца...

Недовѣріе, которое возбуждаютъ къ себѣ небесныя пространства, ожиданіе въ нихъ чего-то новаго, небывалаго, можно объяснить прямымъ остаткомъ старыхъ привычекъ. Укажу на двухъ философовъ, непростительно увлекшихся такимъ недовѣріемъ; по поговоркѣ: крайности сходятся, въ подобныхъ мнѣніяхъ сошлись Августъ Контъ и Шеллингъ, одинъ - мыслитель наиболѣе скептической, другой - наиболѣе вѣрующій. Контъ утверждаетъ, что человѣкъ неспособенъ понять мірозданіе, что онъ ограниченъ крошечнымъ уголкомъ міра и можетъ здраво судить только о немъ; - это новый, самый современный взглядъ. Къ сожалѣнію, подобный взглядъ можно имѣть не иначе, какъ распространяя его на все мірозданіе, и потому Контъ, стараясь защитить свою систему міра, впалъ въ крайнюю ошибку. Астрономы открыли, что

двойныя звѣзды подчинены законамъ всеобщаго тяготѣнія. Двойныя звѣзды очень далеко; Конту хотѣлось-бы ограничить человѣка одною солнечною системою; и вотъ онъ упорно отвергаетъ вѣрность астрономическихъ выводовъ и наблюдений и даже выставяетъ вообще всю звѣздную астрономію, какъ пустое и не могущее дать плодовъ занятіе. И выходитъ, что Контъ, отвергая законы движенія двойныхъ звѣздъ, думаетъ, что знаетъ объ этихъ звѣздахъ больше и вѣрнѣе, чѣмъ астрономы, которые ихъ наблюдали.

У Шеллинга цѣль другая. Ему хотѣлось бы доказать, что человѣкъ есть единственное богоподобное существо, центръ міра; а для того, чтобы возможенъ былъ центръ, онъ хочетъ указать на окружность. Шеллингъ стремится найти предѣлы міра, стремится такъ или иначе ограничить его. Поэтому онъ перетолковалъ по своему наблюдение астрономовъ: ему показалось, что они въ звѣздахъ нашли что-то непохожее на нашъ солнечный міръ, и онъ указываетъ на это новое, какъ на признакъ того, что

астрономы приблизились къ предѣламъ того міра. Вотъ его собственныя слова:

«Должно порадоваться разширенію средствъ наблюдений, которое, хотя отчасти, нарушило мертвящее умъ и ни къ чему не ведущее однообразіе системы міра, именно вслѣдствіе открытія двойныхъ звѣздъ, гдѣ можно видѣть, какъ около покоящейся центральной звѣзды обращается звѣзда не менѣе свѣтлая и не меньшей массы, но равная (если не ошибаюсь, въ одномъ случаѣ даже большая), и какъ въ этихъ странахъ, столь дальнихъ отъ нашей точки зрѣнія, разстоянія по видимому уменьшаются, такъ какъ по Гершелю и Струве, у многихъ двойныхъ звѣздъ разстояніе подвижной звѣзды отъ центральной едва равняется поперечнику послѣдней, а въ другихъ случаяхъ, только малому числу этихъ поперечниковъ.»

Ничего подобнаго не находила звѣздная астрономія, и Гершель и Струве нимало не виноваты въ словахъ Шеллинга. Звѣздная астрономія напротивъ доказала однообразіе

міра на столько, на сколько могла доказать. Съ нашей точки зрѣнія, т. е. съ земли, нельзя видѣть планетъ и спутниковъ, которые вращаются около звѣздъ; можно видѣть только самыя звѣзды. Но такъ какъ есть звѣзды обращающіяся одна около другой, то астрономія могла доказать, и дѣйствительно доказала, что движеніе ихъ происходитъ по тому же закону тяготѣнія, какому повинуется солнечная система.

Очевидно астрономія идетъ явно по тому пути, который противорѣчитъ тайнымъ мечтаніямъ Лапласа. Какъ въ геологіи въ настоящее время принято за правило не принимать ни въ какія отдаленнѣйшія эпохи дѣйствія другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы знаемъ теперь; такъ и астрономія постоянно держится правила не принимать ни въ какихъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ неба другихъ силъ и иныхъ законовъ, кромѣ тѣхъ, какіе мы встрѣчаемъ на землѣ. И это имѣетъ не тотъ смыслъ, будто мы нашу ничтожную землю хотимъ сдѣлать образцомъ для всего великаго мірозданія, но тотъ, что величіе цѣлаго

мірозданія отражается на землѣ, что въ ней
вполнѣ выразилась сущность міра.

IV

Легкое и прямое заключеніе, которое
выведетъ читатель изъ всего предъидущаго,
будетъ то, что если существа другихъ
міровъ по вещественной своей природѣ не
отличаются отъ существъ земли, то они не
могутъ отличатся и по психической
природѣ, такъ какъ душевная дѣятельность
необходимо соотвѣтствуетъ тѣлесной. Но
именно противъ этого заключенія всего
сильнѣе вооружается наша мысль.

Человѣкъ недоволенъ своею жизнью; онъ
носитъ въ себѣ мучительные идеалы, до
которыхъ никогда не достигаетъ; и потому
ему нужна вѣра въ нравственное
разнообразіе міра, въ бытіе существъ болѣе
совершенныхъ, чѣмъ онъ самъ. Часто
раздаются жалобы на физическія бѣдствія
нашей жизни; но что онѣ значатъ въ
сравненіи съ нашими жалобами на
нравственныя бѣдствія, въ сравненіи съ
тѣмъ неутолимомъ гнѣвомъ и отчаяніемъ,

съ какимъ челоѡкъ смотритъ на нравственное ничтожество и уродство челоѡка? Вопли Руссо и Байрона, беспощадная иронія Гейне и всѣ другія явленія такого рода имѣли источникомъ не физическое, а нравственное зло челоѡчества. И потому если челоѡкъ, недовольный своимъ тѣлеснымъ устройствомъ, мечтаетъ иногда о крыльяхъ, то несравненно болѣе онъ склоненъ вообразать существа, у которыхъ не было бы нашихъ нравственныхъ недостатковъ. То есть челоѡкъ считаетъ возможнымъ, что сущность его нравственной жизни можетъ проявиться въ несравненно-лучшихъ формахъ, чѣмъ она является на землѣ. Вотъ гдѣ заключается главный корень нашего желанія населить планеты; вотъ отчего и Гейне, говоря съ Гегелемъ, вздумалъ назвать звѣзды жилищемъ блаженныхъ.

Мы улетаемъ мысленно къ счастливымъ жителямъ планетъ, чтобы отдохнуть отъ скуки и тоски земной жизни. Такъ точно прежде любили вспоминать золотой вѣкъ,

такъ нѣкогда воображали себѣ эльдорадо, гдѣ побываль и Вольтеръ, или Новую Атлантиду, куда мысленно плаваль Баконъ Веруламскій. Такія мечты очень многочисленны; онѣ имѣють техническое названіе - утопій, по имени острова Утопіи, подробно описаннаго канцлеромъ Томасомъ Морусомъ въ 1650 году. По самому источнику такихъ созданій воображенія видно, что они выражаютъ болѣе или менѣе высокія стремленія человѣческаго ума, и дѣйствительно часто въ нихъ высказываются возвышеннѣйшія и благороднѣйшія надежды и желанія.

Задача, которую представляютъ всѣ эти созданія нашего ума, чрезвычайно обширна и трудна. Нужно было бы показать, въ какомъ отношеніи находятся всѣ эти предположенія къ самой сущности нашей нравственной природы, возможны ли они по ея законамъ, по ея необходимымъ свойствамъ. Наша духовная жизнь образуется и развивается не менѣе правильно, не менѣе строго-законно, какъ и совершаются какія-нибудь физическія или

химическія явленія. Начиная отъ простѣйшихъ ощущеній и до глубочайшихъ мыслей, чувствъ и желаній, психическія явленія тѣсно связаны между собою и вытекаютъ изъ единой сущности. Они не могутъ быть перестраиваемы произвольно; они не должны быть понимаемы, какъ частное сочетаніе свойствъ, созданное капризною фантазіею чуждыхъ намъ силъ и вложенное въ насъ извнѣ. Слѣдовательно намъ нужно бы было показать законное и неизбѣжное ихъ развитіе изъ глубочайшей глубины человѣческой сущности, той таинственной глубины, гдѣ сливаются духъ и тѣло, гдѣ, какъ въ центрѣ тяжести, сосредоточено все наше существованіе.

Вмѣсто того, чтобы прямо взяться за такой вопросъ, для котораго, какъ легко согласиться, никакое время и никакія силы не будутъ слишкомъ великими, мы по прежнему возьмемъ частный примѣръ, гдѣ бы выразились человѣческія стремленія по иной духовной жизни, и постараемся разобрать его.

Знаменитѣйшій изъ писателей, говорившихъ о жителяхъ планетъ, есть безъ сомнѣнія Фонтенель, авторъ разговоровъ о множествѣ міровъ. Объ немъ иногда отзываются пренебрежительно, но едва ли это совершенно справедливо. Онъ представляетъ великое и единственное явленіе въ своемъ родѣ, которое останется навсегда поученіемъ для человѣчества. Сочиненія его безсмертны, какъ неподражаемые образцы того, что французы называютъ умомъ, l'esprit; самъ Вольтеръ не можетъ соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи, потомучто Вольтеръ всегда болѣе или менѣе увлекается чувствомъ или мыслью. Вольтеръ часто наивенъ, простъ, приходитъ въ дѣйствительное затрудненіе передъ вопросомъ и дѣлаетъ искреннія восклицанія. Фонтенель всегда лукавъ и коваренъ, всегда доволенъ своимъ умомъ и своими словами и дѣлаетъ восклицанія только въ шутку.

Въ третьемъ вечерѣ своихъ разговоровъ Фонтенель разсуждаетъ такъ:

«Вѣроятно различія увеличиваются по мѣрѣ удаленія, и тотъ, кто взглянулъ бы на жителя луны и жителя земли, увидѣлъ бы ясно, что они принадлежатъ мірамъ болѣе близкимъ, чѣмъ житель земли и житель Сатурна. Напримѣръ въ одномъ мѣстѣ объясняются посредствомъ голоса, въ другомъ говорятъ только знаками, а дальше вовсе не говорятъ. Здѣсь разсудокъ образуется только однимъ опытомъ; въ другомъ мѣстѣ опытъ даетъ разсудку очень мало; а дальше - старики знаютъ не болѣе, чѣмъ дѣти. Здѣсь будущимъ мучатся болѣе, чѣмъ прошедшимъ; въ другомъ мѣстѣ прошедшимъ больше, чѣмъ будущимъ; а дальше не хлопчуть ни о томъ, ни о другомъ - и, можетъ быть, несчастливы мѣнѣе нѣкоторыхъ другихъ. Говорятъ, что, можетъ быть, у насъ недостаетъ шестаго чувства, которое открыло бы намъ многое, чего мы теперь не знаемъ. Вѣроятно это шестое чувство находится въ какомъ-нибудь другомъ мірѣ, гдѣ недостаетъ одного изъ нашихъ пяти чувствъ. Можетъ быть даже есть множество

чувствъ; но въ дѣлежѣ съ другими планетами на нашу долю досталось только пять, и мы довольствуемся ими за незнаніемъ остальныхъ. Наши науки имѣютъ извѣстные предѣлы, за которые никогда не могъ зайти человѣческій умъ; есть точка, гдѣ онѣ вдругъ измѣняютъ намъ; остальное дано другимъ мірамъ, гдѣ неизвѣстно что-нибудь такое, что мы знаемъ. Одна планета наслаждается пріятностями любви, но во многихъ своихъ мѣстахъ она постоянно опечалена ужасами войны. На другой планетѣ наслаждаются вѣчнымъ миромъ; но посреди этого мира совершенно не знаютъ любви и скучаютъ. Однимъ словомъ, то, что природа дѣлаетъ въ малыхъ размѣрахъ, когда распредѣляетъ между людьми счастье или таланты, то безъ сомнѣнія она сдѣлала и въ большихъ размѣрахъ въ отношеніи къ мірамъ; и она строго наблюдала, чтобы былъ приведенъ въ дѣйствіе ея чудесный секретъ, именно - все разнообразить и въ то же время все уравнивать, вознаграждая одно другимъ.

«жtes vous contente, Madame?» продолжает Фонтенель, обращаясь къ прелестной маркизѣ, которую онъ сдѣлалъ собесѣдницею своихъ разговоровъ. Маркиза отвѣчала, что все это очень темно и неопредѣленно.

Прося извиненія у маркизы, замѣтимъ, что въ словахъ Фонтенеля многое однако же чрезвычайно ясно. Прежде всего невольно поражаетъ спокойное и даже равнодушное довольство земною жизнью. Гдѣ тутъ стремленіе къ идеаламъ? Гдѣ желаніе вообразить себѣ жизнь, хотя въ чемъ-нибудь высшую, нежели та, которая окружала Фонтенеля? Одной только планетѣ позавидоваль Фонтенель, именно той, гдѣ не заботятся ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Такая беззаботность есть однако же не повышение, а пониженіе жизни. На нашей планетѣ она болѣе свойственна животнымъ, чѣмъ человѣку.

Фонтенель равнодушенъ къ другимъ мірамъ, потомучто они равнодушны къ нашему міру. Изъ множества чувствъ у человѣка только пять, науки имѣютъ

непереступимые предѣлы, вмѣстѣ съ пріятностями любви существуютъ ужасы войны; для Фонтенеля все это ничего. Ему нравится воображать міръ въ видѣ безконечной перетасовки картъ; его остроуміе совершенно удовлетворено этими разнообразными сочетаніями, и онъ въ восторгѣ называетъ ихъ удивительнымъ секретомъ природы.

Между тѣмъ легко замѣтить еще, что сочетанія, которыя приводитъ Фонтенель, невозможны. Существа, которыя вовсе не говорятъ, не могутъ быть разумными существами; существа, у которыхъ въ старости разсудокъ тотъ же какъ въ дѣтствѣ, необходимо вовсе не имѣютъ разсудка; существа, которыя не думаютъ ни о прошедшемъ ни о будущемъ, не имѣютъ и способности думать. Фонтенель не догадался объ этихъ противорѣчіяхъ, потомучто онъ любилъ противорѣчія, находилъ въ нихъ свое удовольствіе. Между прочимъ въ теченіе своей долгой жизни онъ постоянно писалъ похвальные рѣчи умершимъ ученымъ; въ этихъ рѣчахъ

тотъ же духъ, тоже стремленіе. Никогда, даже говоря о величайшихъ умахъ чловѣчества, Фонтенель не могъ найти точки опоры для своихъ сужденій, не могъ понять той глубочайшей природы лица, изъ которой объясняются всѣ его дѣйствія. Поэтому на величайшіе подвиги и заслуги онъ умѣлъ смотрѣть съ дурной стороны и былъ очень доволенъ тѣмъ, что его похвалы походили на насмѣшки.

Фонтенель вѣроятно мечталъ, что самъ онъ до того ловокъ и остороженъ, что не можетъ подвергнуться насмѣшкамъ. Послѣ его разговоровъ Вольтеръ написалъ свою сказку - Микромегасъ, и въ ней осмѣялъ Фонтенеля. Насмѣшки Вольтера, которыя, какъ говорятъ, сильно огорчали Фонтенеля, были прямо направлены на недостатокъ вкуса въ знаменитыхъ разговорахъ. Дѣйствительно Фонтенель принималъ за изящество какую-то изысканность, вычурную иногда до нестерпимости. Но кромѣ того смыслъ Вольтеровой сказки далеко выше Фонтенелевыхъ разсужденій. Вольтеръ не совсѣмъ принадлежалъ къ

числу людей довольныхъ жизнью; онъ глубоко чувствовалъ этотъ вопросъ и, заговоривъ о жителяхъ планетъ, прямо выставилъ его.

Смѣлость и грація самой сказки, неподражаемое теченіе и блескъ разсказа - совершенно соотвѣтствуютъ Вольтерову гению. Я попробую передать нѣкоторые отрывки.

ГЛАВА I

ПУТЕШЕСТВІЕ ОБИТАТЕЛЯ СИРИУСОВА МІРА НА ПЛАНЕТУ САТУРНЪ

«На одной изъ планетъ, обращающихся около звѣзды, называемой Сириусомъ, жилъ молодой человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ честь быть знакомымъ во время его послѣдняго путешествія въ нашъ маленькій муравейникъ; его звали Микромегасъ(*), имя очень приличное для всѣхъ великихъ міра сего. Ростомъ онъ былъ въ восемь лье; подъ восьмью лье я разумѣю двадцать

четыре тысячи геометрическихъ сажень, въ пять футовъ каждая.

Изъ числа математиковъ, людей, во всякомъ случаѣ полезныхъ для общества, нѣкоторые тотчасъ возмутъ перо и найдутъ, что такъ какъ господинъ Микромегасъ, обитатель странъ Сириуса, имѣетъ отъ головы до ногъ двадцать четыре тысячи сажень, что составляетъ сто двадцать тысячъ королевскихъ футовъ, и такъ какъ мы имѣемъ только пять футовъ и такъ какъ нашъ земной шаръ имѣетъ девять тысячъ льё въ окружности, - они найдутъ, говоря, что шаръ, произведшій Микромегаса, необходимо имѣетъ окружность какъ разъ въ миллионъ шесть сотъ тысячъ разъ больше, чѣмъ наша маленькая земля. Ничего не можетъ быть проще и обыкновеннѣе въ природѣ. Владѣнія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ или итальянскихъ государей, которыя можно объѣхать въ полчаса, и рядомъ - Турецкая, Русская и Китайская Имперія, представляютъ намъ только слабое подобіе тѣхъ ужасныхъ

различій, какія природа положила между существами всякаго рода.

«Такъ какъ ростъ его превосходительства былъ указанной мною высоты, то всѣ наши скульпторы и всѣ наши живописцы безъ сомнѣнїя согласятся, что его талїя могла имѣть пятьдесятъ тысячъ футовъ въ обхватѣ; размѣры чрезвычайно красивые.

«Что касается до его ума, то онъ - одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ умовъ, какіе намъ извѣстны; онъ многое знаетъ, кое-что открылъ самъ: ему не было еще и двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ и по обыкновенію онъ учился еще въ іезуитской коллегіи своей планеты, когда онъ нашолъ силою своего ума болѣе пятидесяти предложеній Эвклида. Значитъ восемнадцатю предложенїями больше, чѣмъ Блезъ Паскаль, который, найдя тридцать два такихъ предложеній, шутя, какъ говоритъ его сестра, сталъ потомъ весьма посредственнымъ математикомъ и никуда негоднымъ метафизикомъ. При выходѣ изъ дѣтства, на четыреста пятидесятихъ годахъ Микромегасъ много занимался анатоміею

тѣхъ мелкихъ насѣкомыхъ, которыхъ діаметръ меньше ста футовъ и которыхъ нельзя видѣть въ обыкновенные микроскопы. Муфти его родины, человекъ привязчивый и большой невѣжда, нашолъ въ его книгѣ мѣста подозрительныя, злоумышленныя, дерзкія, еретическія, или клонящіяся къ ереси, и сталъ его жестоко преслѣдовать; дѣло было въ томъ, дѣйствительно ли субстанціальная форма блохъ Сиріуса таже самая, какъ и улинокъ. Микромегасъ защищался съ большимъ остроуміемъ; онъ склонилъ дамъ на свою сторону; процессъ тянулся двѣсти двадцать лѣтъ. Наконецъ Муфти заставилъ юрисконсультовъ осудить книгу, которой они не читали, и авторъ получилъ приказъ не являться ко двору въ продолженіе восьми сотъ лѣтъ.

«Его мало огорчило удаленіе отъ двора. Онъ написалъ очень забавные куплеты на Муфтія, на которые тотъ вовсе не обратилъ и вниманія, и пустился путешествовать съ планеты на планету, какъ говорятъ, для полного образованія своего ума и сердца.»

Прежде чѣмъ послѣдуемъ за нашимъ путешественникомъ, остановимся на томъ времени, которое онъ провелъ въ своемъ отечествѣ. Вольтеръ осмѣиваетъ земную жизнь и осмѣиваетъ чрезвычайно просто - перенося ее на планеты. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли вообразить, что на всѣхъ планетахъ существуютъ іезуитскія коллегіи, что даже въ странахъ Сириуса многое подвергается такому же преслѣдованію, какъ на землѣ, что и тамъ люди - часто невѣжды, а произносящіе судъ произносятъ его, не зная дѣла, о которомъ судятъ. Выставляя частныя обстоятельства своего времени, какъ будто явленія общія и необходимыя, Вольтеръ тѣмъ рѣзче выставляетъ всю ихъ случайность и неразумность.

Но вмѣстѣ съ умышленно-фальшивыми чертами у Вольтера идутъ другія, которыя принимаются за истинныя или вѣроятныя. Таковъ на примѣръ великолѣпный ростъ его превосходительства. Безъ сомнѣнія Вольтеръ считалъ возможною такую огромность живыхъ существъ. Въ то время

подобныя понятія господствовали. Великій Лейбницъ въ одномъ изъ своихъ писемъ даже далеко превосходитъ Вольтера. Если не ошибаюсь, онъ выражается такъ: «Я могу даже вообразить себѣ существующимъ гиганта, для котораго вся солнечная система могла бы служить вмѣсто карманныхъ часовъ.» Впрочемъ представленія такого рода можно считать даже обыкновенными для всѣхъ эпохъ и народовъ; они составляютъ естественную ошибку человѣческаго ума. Въ самомъ дѣлѣ постоянно встрѣчаются рассказы и миѳы о великанахъ, нѣкогда жившихъ на землѣ и которыхъ одна кость была величиною въ человѣческой ростъ. На востокѣ существуетъ сказаніе о птицѣ Рокъ, которая когда летитъ, то помрачаетъ солнце въ цѣлой странѣ. У сѣверныхъ моряковъ есть преданія объ исполинскомъ спрутѣ, который представляетъ видъ большаго острова, когда спитъ близь поверхности моря, и который своими руками топить корабли, какъ щепки.

Ошибка здѣсь состоитъ въ томъ, что форму и величину существъ считаютъ совершенно независимыми, и потому данной формѣ придаютъ какую угодно величину. Но, какъ я сказалъ, все связано, все зависитъ одно отъ другого; умъ человѣческой ошибается, если, не зная связи, онъ полагаетъ, что нѣтъ связи; успѣхи наукъ состоятъ только въ томъ, что показываютъ связь тамъ, гдѣ ея еще не находили.

Связь между величиною и формою несомнѣнна. Ее открылъ и математически доказалъ уже великій дѣятель человѣческаго возрожденія - Галилей. Какъ птица не можетъ быть больше опредѣленной величины, такъ точно и человѣческая форма имѣетъ границы, за которыя не можетъ переходить.

Поясню это еще примѣромъ, самымъ простымъ. Изъ кости вырѣзываютъ шахматныя фигуры иногда очень легкой формы, съ причудливыми кружевными украшеніями. Легко убѣдиться, что размѣры подобной фигуры нельзя увеличивать безъ конца, напримѣръ нельзя

построить башни такой формы. Нетолько кость и дерево, но никакой камень и металл не будутъ достаточно крѣпки для того, чтобы выдержать собственную тяжесть, если изъ нихъ построить такія развѣтвленія и узоры. Поэтому и наши зданія, чѣмъ выше, тѣмъ больше приближаются къ одной опредѣленной формѣ, къ фигурѣ пирамиды. То есть мы дѣлаемъ нижнія части шире и плотнѣе, а верхнія тоньше и легче.

Такъ точно и стройная и неподражаемо легкая фигура человѣческаго тѣла не можетъ быть значительно увеличиваема. Извѣстно, что люди особенно высокаго роста тяжелы и медленны въ своихъ движеніяхъ, часто даже слабосильны. Греки, такъ хорошо понимавшіе смыслъ формы нашего тѣла, представили намъ Геркулеса человѣкомъ средняго роста.

И такъ можно бы доказать, что громадный Микромегасъ, по законамъ механики, невозможенъ. Впрочемъ едвали позавидуемъ его превосходительному росту. Вольтеръ далѣе рассказываетъ, что

Микромегасъ, попавши на Сатурнъ, долго смѣялся надъ его маленькими жителями, ростомъ только въ тысячу туазовъ. Конечно можетъ быть такъ водится въ странахъ Сириуса, но на нашей скромной планетѣ, какъ извѣстно, смѣшонъ былъ бы тотъ, кто будучи высокаго роста, сталъ бы на этомъ основаніи смотрѣть съ высока на другихъ людей; точно также мы не считаемъ особенно основательнымъ, если люди маленькаго роста считаютъ себя обиженными природою и не могутъ утѣшиться въ этой обидѣ. Въ вѣкъ Вольтера между прочимъ любили высокихъ женщинъ; нынче, какъ извѣстно, значеніе этого свойства нѣсколько ослабѣло.

Гораздо завиднѣе и привлекательнѣе для насъ то, что Вольтеръ рассказываетъ объ умѣ и знаніяхъ Микромегаса. Микромегасъ открылъ самъ, безъ помощи учителя, пятьдесятъ предложеній Эвклида. Замѣтимъ прежде, что въ словахъ Вольтера заключается явное противорѣчіе; онъ говоритъ, что Микромегасъ оказалъ такіе успѣхи, когда ему было только 250 лѣтъ, и

въ тоже время ставитъ его выше Паскаля. Между тѣмъ, хотя Паскаль самъ открылъ только тридцать два предложенія, но онъ открылъ ихъ, когда ему было 12 лѣтъ; за Паскалемъ притомъ считается еще много совершенно новыхъ открытій, хотя онъ жилъ всего 39 лѣтъ. Очевидно Микромегасъ несравненно тупѣе Паскаля. Вольтеру нужно было дать своему Микромегасу жизнь продолжительную, сколько-нибудь сообразную съ его ростомъ; но онъ не замѣтилъ, что въ тоже время онъ принуждёнъ замедлить процессъ его мышленія. Двухъ-сотъ-пятидесяти-лѣтній Микромегасъ долженъ быть по уму все еще ребенкомъ, слѣдовательно долженъ развиваться страшно-туго.

Но чтъ бы ни рассказывалъ Вольтеръ, сейчасъ видно, что вопросъ можно поставить прямѣе. Не имѣемъ ли мы права предполагать такихъ жителей на планетахъ, которые бы всѣ были способны собственнымъ умомъ доходить даже до глубочайшихъ истинъ математики? Если кто вспомнитъ мученія, претерпѣваемыя изъ за

математики въ нашихъ школахъ, если сообразить, какъ мало учащихся, которымъ она вполнѣ дается, то легко можетъ прійти къ убѣжденію, что есть планета, гдѣ дѣло идетъ счастливѣе, гдѣ умы выше, потому что способнѣе къ математикѣ.

Въ отвѣтъ на это напомнимъ историческое развитіе, необходимость котораго можно доказать, хотя я здѣсь не стану ея доказывать. Вслѣдствіе историческаго развитія безъ сомнѣнія человѣческія головы должны со временемъ достигнуть несравненно большей способности къ математикѣ, чѣмъ та, которую они обнаруживаютъ въ настоящее время. Но всего важнѣе здѣсь то, что какъ бы высоко ни было развитіе человѣческаго рода, трудно думать и странно желать, чтобы масса людей когда-нибудь состояла изъ Паскалей. Потомучто изъ всѣхъ познаній наименѣе завидныя суть именно познанія математическія. Математика есть наука безконечная и въ тоже время такая, что въ ней едвали можно отличить особенныя, какія-нибудь глубочайшія познанія. Въ ней

нѣтъ тайнъ, въ ней всѣ вопросы одинаково важны, всѣ приемы одинаково строги. Такъ что если мы пожелаемъ напимѣрь, чтобы всѣ люди знали пифагорову теорему, то за тѣмъ мы никакъ не имѣемъ права сильнѣе желать, чтобы каждый смертный зналъ интегральное исчисленіе.

Зачѣмъ же мы будемъ желать, чтобы всѣ люди посвящали время своей жизни на такого рода познанія, когда намъ извѣстно при этомъ, что есть вопросы единственные и главнѣйшіе, напимѣрь тотъ, о которомъ говоритъ Лапласъ - открыть наши истинные отношенія къ природѣ, или тѣ, которые указываетъ Кантъ:

- 1) Что я могу знать?
- 2) Что я долженъ дѣлать?
- 3) Чего могу надѣяться?

Мы не позавидуемъ никакимъ жителямъ Сатурна или Сиріуса въ томъ, что у нихъ математика далеко ушла впередъ въ сравненіи съ землею; при томъ мы увѣрены, что съ нашимъ земнымъ умомъ рано или поздно мы найдемъ то самое, что они нашли. Но нами овладѣла бы неуголимая

зависть, если бы мы предполагали, что существенные вопросы жизни какой-нибудь огромный Микромегасъ понимает несравненно глубже, чѣмъ мы, маленькіе люди земли.

Посмотримъ, какія способности онъ обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи. Вольтеръ рассказываетъ, что послѣ долгихъ странствій по млечному пути, Микромегасъ попалъ наконецъ на Сатурнъ. Здѣсь онъ знакомится съ секретаремъ тамошней академіи наукъ, лицомъ, въ которомъ Вольтеръ представилъ секретаря Парижской Академіи Фонтенеля. За тѣмъ слѣдуетъ -

Г Л А В А II

РАЗГОВОРЪ ЖИТЕЛЯ СИРИУСА СЪ ЖИТЕЛЕМЪ САТУРНА

«Послѣ того, какъ его превосходительство легло и секретарь приблизился къ его лицу, - нужно сказать правду, началъ Микромегасъ, что природа очень

разнообразна. Да, отвѣчалъ Сатурніецъ, природа подобна цвѣтнику, въ которомъ цвѣты... Ахъ, отвѣчалъ Сиріецъ, подите вы съ вашимъ цвѣтникомъ. Она подобна, снова началъ секретарь, собранію блондинокъ и брюнетокъ, которыхъ наряды... Что мнѣ за дѣло до вашихъ брюнетокъ? возразилъ Микромегасъ. Ну, такъ она подобна картинной галлерѣе, въ которой живопись... Да нѣтъ же, сказалъ путешественникъ, природа просто подобна природѣ. Къ чему вы ищете для нея сравненій? Чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, отвѣчалъ секретарь. Я вовсе не хочу, чтобы мнѣ дѣлали удовольствіе, отвѣчалъ путешественникъ; я хочу, чтобы меня научили; скажите мнѣ сначала, сколько чувствъ имѣютъ люди вашего шара. У насъ семьдесятъ два чувства, сказалъ академикъ, и мы все жалуемся, что ихъ мало. Наше воображеніе идетъ дальше нашихъ потребностей; мы находимъ, что съ нашими семидесятью двумя чувствами, съ нашимъ кольцомъ и пятью лунами, мы очень ограничены, и не смотря на всю нашу любознательность и на довольно большое

число страстей, происходящихъ отъ нашихъ семидесяти двухъ чувствъ, у насъ остается вдоволь времени для того, чтобы скучать. Я думаю! сказала Микромегасъ: потому что у жителей нашего шара около тысячи чувствъ и у насъ все-таки остается какое-то смутное желаніе, какое-то темное безпокойство, которое безпрестанно даетъ намъ знать, что мы ничтожныя существа и что есть существа гораздо болѣе совершенныя. Я немножко путешествовалъ; я видѣлъ смертныхъ, которые несравненно ниже насъ, видѣлъ и несравненно высшихъ; но я нигдѣ не нашолъ такихъ, которые бы не имѣли болѣе желаній, чѣмъ потребностей, больше потребностей, чѣмъ удовлетворенія. Можетъ быть, я найду когда нибудь страну, гдѣ всѣмъ довольны, но до сихъ поръ объ этой странѣ никто не могъ сообщить мнѣ положительныхъ свѣдѣній. Сатурніецъ и Сиріецъ пустились послѣ этого въ тысячи предположеній; но послѣ многихъ самыхъ остроумныхъ и самыхъ шаткихъ разсужденій почли за нужное возвратиться къ фактамъ.»

Вотъ прекрасныя слова, въ которыхъ блестящими, легко и точно очерченными образами выражень цѣлый взглядъ на жизнь. Странное смѣшеніе пессимизма и оптимизма! Мы недовольны жизнью, и Вольтеръ вѣрно указываетъ причины этого недовольства: именно - мы чувствуемъ, что мы существа ничтожныя, что есть существа несравненно высшія. Но въ тоже время напрасно мы завидуемъ этимъ существамъ, напрасно желали бы помѣняться съ ними участію; потомучто эти высшія существа тоже недовольны жизнью! У Вольтера является безконечный рядъ существъ высшихъ и низшихъ; не все ли равно, гдѣ ни быть въ этомъ ряду? На каждой степени таже перспектива - впереди безконечность высшихъ а сзади безконечность низшихъ степеней.

Форма, въ которой Вольтеръ выражаетъ недовольство жизнью, также замѣчательна. Какъ истинный сынъ XVIII вѣка, Вольтеръ принимаетъ за величайшее зло жизни скуку. Между тѣмъ, если бы такъ, то дѣло было бы легко поправить. Сатурніецъ

говорить, что любознательность и страсти все еще оставляютъ имъ довольно времени, чтобы скучать. Очевидно стоило бы только нѣсколько сократить ихъ жизнь или нѣсколько прибавить имъ страстей, и недовольство исчезло бы. Не ясно ли однако же, что жители Сатурна въ такомъ случаѣ лишились бы благороднѣйшей черты своей жизни? Безъ сомнѣнія они должны бы радоваться тому, что ихъ великая любознательность и ихъ семьдесятъ два чувства не могутъ однако же завертѣть ихъ до совершеннаго одуренія, что у нихъ все еще остается время для того, чтобы оглядѣться и одуматься, чтобы спросить себя, что же я такое въ мірозданіи?

Тотъ же взглядъ видимъ и въ дальнѣйшемъ разсказѣ Вольтера.

«Сколько времени вы живете? спросилъ Сириецъ. Ахъ, очень мало, отвѣчалъ человѣчикъ Сатурна. Точь въ точь какъ у насъ, замѣтилъ Сириецъ; мы все жалуемся, что мало. Должно быть это общій законъ природы. Увы! мы живемъ, говорилъ Сатурніецъ, только пятьсотъ большихъ

оборотовъ солнца (считая по нашему, это будетъ около пятнадцати тысячъ лѣтъ). Вы видите, что это значить умереть почти въ самое мгновеніе рожденія; все наше существованіе - одна точка; наша жизнь одно мгновеніе; нашъ шаръ одинъ атомъ. Едва успѣешь стать нѣсколько свѣдущимъ, какъ является смерть и не даетъ приобрѣсти опытности. Что касается до меня, то я не смѣю дѣлать никакихъ предположеній о будущемъ, я считаю себя каплею въ безмѣрномъ океанѣ. Въ особенности мнѣ очень совѣстно передъ вами за мою жалкую фигуру въ этомъ мірѣ.

«Микромегасъ отвѣчалъ ему: не будь вы философомъ, я побоялся бы огорчить васъ, сообщивъ вамъ, что наша жизнь въ семьсотъ разъ длиннѣе вашей; но вы очень хорошо знаете, что тогда нужно возвратить свое тѣло стихіямъ и оживить имъ природу въ другой формѣ, т. е. умереть; когда наконецъ приходитъ мгновеніе этой метаморфозы, то совершенно все равно, прожили ли мы одинъ день, или цѣлую вѣчность. Я былъ въ странахъ, гдѣ живутъ

въ тысячу разъ долше, чѣмъ у насъ, и нашолъ, что тамъ все еще ропщутъ. Но вездѣ есть здравомыслящіе люди, которые умѣютъ примириться съ своею долею и благодарить Творца природы.»

Жалобы на краткость нашей жизни - дѣло очень обыкновенное. Если бы онѣ были справедливы, то мы конечно имѣли бы право предполагать на другихъ планетахъ обитателей болѣе долговѣчныхъ, слѣдовательно полнѣе пользующихся жизнью. Вольтеръ, как видно изъ словъ спокойнаго и мудраго Микромегаса, признаетъ справедливость жалобъ, а между-тѣмъ самый рассказъ до очевидности обнаруживаетъ всю ихъ неосновательность. Безъ сомнѣнія поэтическій геній Вольтера спасъ его отъ односторонности, и онъ, создавая образы, невольно чертилъ ихъ близко къ истинѣ, которой не подозрѣвалъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшонъ ли этотъ легкомысленный секретарь сатурнійской академіи, который называетъ себя атомомъ, хотя онъ ростомъ въ тысячу туазовъ, и жалуется, что умретъ

неопытнымъ, хотя проживеть пятнадцать тысячъ лѣтъ? Очевидный смыслъ всего разсказа тотъ, что краткость жизни есть мечта, что какъ пятнадцать тысячъ лѣтъ можно назвать мгновениемъ, такъ и мы для красоты рѣчи говоримъ о нашей мгновенной жизни. Къ продолжительности жизни мы должны примѣнить тѣже разсужденія, какія сдѣлали относительно величины земли. Если мы будемъ мѣрять время нашей жизни вѣчностію, то оно всегда будетъ ничтожно, какъ бы длинно ни было. Но такъ какъ въ сравненіи съ вѣчностію всѣ времена равны и слѣдовательно нѣтъ никакой причины называть одно короткимъ, а другое длиннымъ, то чтобы найти, длинна или коротка наша жизнь, нужно взять другую мѣру. Этою мѣрою можетъ быть ничто иное, какъ содержаніе нашей жизни. Можемъ ли мы пожаловаться, что жизнь наша по краткости не можетъ вмѣстить всего, что мы способны сдѣлать? Увы! Если принять такую мѣру, то окажется, что для весьма многихъ жизнь черезъ чуръ длинна; по этой причинѣ они приведены даже къ

горестной необходимости убивать время своей жизни. Съ другой стороны, если представимъ челоѡка, исполненнаго всѣхъ челоѡческихъ даровъ и постоянно дѣятельнаго, то также можно бы доказать, что время жизни достаточно для того, чтобы онъ обнаружилъ всѣ свои силы и совершилъ всѣ свои подвиги. Положимъ, ревностный христіанинъ помышляетъ о спасеніи души своей; никто не скажетъ, чтобы ему недоставало для этого времени. Ученый стремится вполнѣ овладѣть своею наукою и даже подвинуть ее впередъ; - если онъ ни въ томъ, ни въ другомъ не успѣетъ, то однакоже ни въ какомъ случаѣ онъ не станетъ жаловаться передъ смертью на недостатокъ времени; тутъ, какъ извѣстно, бываютъ другія причины. На оборотъ, никакъ нельзя поручиться за то, что еслибы удлинить вдвое и втрое жизнь нынѣ живущихъ людей, то отсюда проистекли бы необычайныя улучшенія, великія открытія, блестящіе успѣхи и т. д. Едвали даже не было бы хуже, чѣмъ теперь.

И такъ - для того, чтобы пожелать болѣе долгой жизни, мы должны вмѣстѣ пожелать дѣятельности, превышающей человѣческую дѣятельность и необходимо требующей большихъ размѣровъ времени.

Ни о какой дѣятельности мы не можемъ судить такъ отчетливо, какъ о дѣятельности ума. Не даромъ Сатурніецъ, жалуясь на краткость жизни, указываетъ именно на то, что въ теченіе пятнадцати тысячъ лѣтъ онъ не успѣваетъ пріобрѣсти достаточно свѣдѣній. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, говоритъ русская пословица, а дуракомъ умрешь, прибавляетъ она же. И дѣйствительно мы привыкли вообразать познанія неисчерпаемымъ океаномъ. «Я похожъ, говорилъ Ньютонъ о своихъ открытіяхъ, на ребенка, собирающаго раковины на берегу моря.» И такъ - повидимому всего яснѣе мы можемъ себѣ представить на планетахъ повышеніе дѣятельности ума, болѣе глубокія и болѣе обширныя познанія, чѣмъ тѣ, какія можетъ имѣть человѣкъ. Послушаемъ дальше прерванный нами

разговоръ Сирійца и Сатурнійца; дѣло идетъ именно объ ихъ познаніяхъ.

«Творецъ (продолжалъ говорить Микромегасъ) щедро разсыпалъ въ этомъ мірѣ разнообразіе, но вмѣстѣ съ нѣкоторою одинаковостью. Напримѣръ всѣ мыслящія существа различны, но въ сущности всѣ сходны по дару мысли и желаній. Вещество вездѣ протяженно; но на каждомъ шарѣ имѣетъ различныя свойства. Сколько такихъ различныхъ свойствъ вы считаете въ вашемъ веществѣ? Если вы говорите о тѣхъ свойствахъ, отвѣчалъ Сатурніецъ, безъ которыхъ, по нашему мнѣнію, этотъ шаръ не могъ бы оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то мы считаемъ ихъ триста, какъ напримѣръ протяженность, непроницаемость, подвижность, тяготѣніе, дѣлимость и такъ дальше. Вѣроятно, отвѣчалъ путешественникъ, это малое число свойствъ достаточно для цѣлей, которыя Создатель имѣлъ въ отношеніи къ вашему маленькому жилищу. Во всемъ я удивляюсь его мудрости; вездѣ вижу различія, но въ тоже время вездѣ гармонію. Вашъ шаръ не

великъ, ваши обитатели тоже малы; вы имѣете мало ощущеній; ваше вещество имѣетъ мало свойствъ; все это есть созданіе промысла. Какого цвѣта ваше солнце, если хорошенько разсмотрѣть его? Бѣлаго съ сильнымъ жолтымъ оттѣнкомъ, отвѣчалъ Сатурніецъ, и когда мы раздѣлимъ его лучъ, мы находимъ въ немъ семь различныхъ цвѣтовъ. Наше солнце отливаешь краснымъ цвѣтомъ, замѣтилъ Сиріецъ, и простыхъ цвѣтовъ у насъ тридцать девять. Между всѣми солнцами, близъ которыхъ бывалъ я, нѣтъ ни одного, которое бы походило на другое, точно такъ какъ у васъ нѣтъ лица, которое бы не отличалось отъ другихъ лицъ.»

«Послѣ многихъ вопросовъ такого рода, онъ любопытствовалъ узнать, сколько считается на Сатурнѣ существенно различныхъ субстанцій. Оказалось, что ихъ считали не болѣе тридцати, именно слѣдующія: Богъ, пространство, вещество, протяженныя вещества чувствующія, протяженныя существа чувствующія и мыслящія, мыслящія существа

непротяженныя, существа взаимно
проницаемыя, существа взаимно
непроницаемыя и прочее. Сириецъ, въ
странѣ котораго ихъ считалось триста и
который открылъ еще три тысячи другихъ
во время своихъ путешествій, безмѣрно
удивилъ этимъ сатурнійскаго философа».

Въ этомъ разговорѣ очевидно передъ нами
открывается вся мудрость, которою
обладають взятые нами жители планетъ. И
дѣйствительно тутъ есть множество вещей,
которымъ нельзя не дивиться.

Какъ прежде, такъ и здѣсь Вольтера спасъ
его гений. Совершенно ясно, что разговоръ
написанъ по тому взгляду на сущность
вещей, который принимаетъ философія
Локка. Но точно такъ, какъ разговоръ о
краткости жизни прямо переходитъ въ
насмѣшку надъ этою краткостію, такъ и
последній разговоръ, развивая Локково
ученіе, въ то же время представляетъ самую
ядовитую пародію на это міровоззрѣніе. Не
легко выставить съ такою простотою и
выпуклостію характеристическія черты
ученія и довести ихъ до той степени

ясности, что мелкость и фальшивость взгляда дѣлается осязательною сама собою. вмѣсто многихъ комментарий, которыя можно бы написать на это замѣчательное мѣсто Микромегаса, приведу здѣсь только два замѣчанія. Сатурніецъ говоритъ, что вещество Сатурна имѣетъ триста необходимыхъ свойствъ. Необходимыя свойства суть существенныя свойства, принадлежность сущности вещества. Слѣдовательно чѣмъ меньше у насъ такихъ свойствъ, тѣмъ глубже наше познаніе сущности, которой они принадлежатъ. Потомучто познаніе и есть ни что иное, какъ выводъ однихъ явленій изъ другихъ, выводъ второстепенныхъ свойствъ изъ существенныхъ; цѣль познанія - вывести все изъ одного свойства, изъ коренной черты сущности. Такъ Декартъ полагалъ, что коренная черта вещества есть протяженность, и старался вывести изъ нея всѣ остальные черты. Послѣ этого не странно ли, что Вольтеръ, чтобы поразить насъ глубиною познаній Сатурнійца, говоритъ, что тотъ нашолъ триста

необходимыхъ свойствъ въ своемъ
веществѣ?

Не говорю уже о возможности чего-нибудь подобнаго. Если мы говоримъ, что Сатурнъ состоитъ изъ вещества, то это значить, что онъ образованъ изъ матеріала, по сущности (по существеннымъ веществамъ) такого же, какъ и матеріаль вещей, которыхъ мы касаемся руками. Какія бы особенныя вещественныя явленія ни происходили на Сатурнѣ, они должны вытекать изъ этой сущности, а не изъ другой.

Еще яснѣе обнаруживается характеръ познаній у жителя Сатурна при перечисленіи субстанцій. У Локка принималось три рода субстанцій - Богъ, вещество и конечныя духовныя существа. Относительно пространства онъ сомнѣвался, субстанція ли оно, или нѣтъ. У Вольтера пространство смѣло причислено къ субстанціямъ и кромѣ того объявляется, что Сатурніецъ знаетъ ихъ тридцать, а Сириецъ три тысячи триста. Такое обиліе подозрительно столько же, какъ обиліе необходимыхъ свойствъ вещества. Одно то,

что Богъ ставится на ряду со всѣми тремя тысячами тремя стами субстанціями, есть черта грубаго непониманія. Потомучто отъ Бога, по самому понятію этого существа, все зависитъ; все имъ создано и все совершается по его волѣ. Поэтому съ одной стороны Микромегасу нечего хвастаться своими тысячами субстанцій, когда главную и первую субстанцію, передъ которою ничтожны всѣ другія, знаетъ и Локкъ и всѣ мы, обитатели крошечной земли. Съ другой стороны странно, почему Микромегасъ не вздумалъ похвалиться тѣмъ, что онъ лучше ее знаетъ, лучше насъ и лучше Сатурнійца? Тутъ было бы дѣйствительно преимущество. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ понятіе о Богѣ есть центральное понятіе, на которое мы сводимъ всѣ другія, такъ-какъ міръ вполнѣ опредѣляется творческою волею Бога, то всѣ вопросы сводятся на то, чтобы понять, какъ вещи зависятъ отъ Бога. Въ сравненіи съ этимъ считать субстанціи по пальцамъ есть дѣло пустое. Множество субстанцій есть прямой признакъ слабаго познанія; потомучто

мышленіе, какъ я уже сказалъ, есть сведеніе многого на одно.

Какъ-бы то ни было, но вообще познанія Микромегаса и его пріятеля никакъ не могутъ возбудить въ насъ особой зависти. Въ отношеніи къ этому предмету сдѣлаю здѣсь послѣднее замѣчаніе. Дѣло въ томъ, что хотя познанія дѣйствительно безконечны, но не одинаково любопытны. Имѣть всѣ познанія рѣшительно никому не нужно. И это вовсе не потому, чтобы умъ человѣческой не былъ силенъ, или недовольно жаденъ (жадность въ немъ часто доходитъ до истинной прожорливости), но именно потому, что умъ - центральная, сосредоточивающая сила. Въ этомъ его достоинство и могущество. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ всевозможныя познанія, представьте познанія всѣхъ жителей планетъ; что было бы, если бы умъ представлялъ только способность поглощать ихъ одно за другимъ? Работа безъ всякаго конца и цѣли. Вотъ почему умъ останавливается, обзрѣваетъ все, что уже въ его власти,

опредѣляетъ главныя точки, центральныя вопросы, на нихъ устремляетъ все свое вниманіе и слѣдовательно необходимо оставляетъ въ тѣни то, что далеко отъ этихъ вопросовъ. Такъ онъ поступаетъ въ каждой частной наукѣ, въ каждомъ мелочномъ изслѣдованіи; такъ поступаетъ онъ и въ отношеніи къ цѣлой жизни, къ цѣлой области мышленія, ко всему міру. Умъ есть дѣятельность вполнѣ свободная, передъ которою открыты всѣ пути. Никакъ нельзя сказать, чтобы гдѣ-нибудь на планетахъ умъ еще свободнѣе избиралъ предметы и ставилъ вопросы, чѣмъ на землѣ. Не хуже другихъ обитателей міра мы умѣемъ избрать глубочайшую и занимательнѣйшую задачу. Если съумѣемъ и разрѣшить ее, то намъ некому будетъ завидовать.

Съумѣемъ ли? повидимому другой вопросъ. А между-тѣмъ, чтобы не распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ, замѣтимъ только, что если мы задаемъ себѣ эти задачи, то вѣроятно мы умѣемъ и находить разгадку этихъ главнѣйшихъ загадокъ.

Потому что - дѣло достойное наблюденія, - мы требуемъ отъ зрѣлыхъ людей непременно опредѣленныхъ мнѣній, и именно о самихъ важныхъ вопросахъ. Такъ или иначе, головою или сердцемъ, только нужно, чтобы каждый добылъ ясный отвѣтъ на эти вопросы. Мы презираемъ того, кто не хочетъ пользоваться правомъ имѣть твердое, самостоятельное ихъ рѣшеніе. Все это потому, что величайшіе вопросы суть именно вопросы жизни и смерти, вопросы, по рѣшенію которыхъ человѣкъ дѣйствуетъ.

V

Теперь мы достаточно познакомились съ Микромегасомъ. Быть можетъ, читатель найдетъ мечты Вольтера не довольно игривыми и смѣлыми; въ оправданіе можно привести, что Вольтеръ старался быть строгимъ, положительнымъ. Въ своей сказкѣ онъ вовсе не хотѣлъ дать полный разгулъ своей фантазіи; онъ желалъ прямо выразить свой взглядъ на міръ.

Есть мечтанія несравненно болѣе смѣлые, напримѣръ предположенія объ аромальной жизни, принадлежащія уже нашему вѣку, а не прошлому. Но вѣдь дѣло не въ смѣлости. Намъ хотѣлось бы найти хоть одну черту, хоть одну точку въ нашей человѣческой жизни, гдѣ бы мы съ увѣренностію могли сказать, что отступленіе отъ нея, иная форма, иное содержаніе дѣйствительно возможны. Изслѣдуя человѣческую природу, мы должны стараться найти, способны ли какія-нибудь ея элементы къ видоизмѣненіямъ, къ другимъ, равнымъ или даже высшимъ формамъ. Разысканіе должно идти строго и постепенно, а не прыжками на крыльяхъ фантазіи.

Чтобы представить читателямъ - не образецъ подобнаго разысканія, а только нѣчто могущее дать о немъ понятіе, я возьму здѣсь черту, сколько мнѣ кажется, наиболѣе удобную для этой цѣли, именно вопросъ о внѣшнихъ чувствахъ, которыхъ у человѣка считаютъ пять. Фонтенель и Вольтеръ, какъ мы видѣли, совершенно

спокойно принимаютъ возможность большаго числа чувствъ; у Сатурнійца ихъ семьдесятъ-два, а у Микромегаса такъ много, что онъ не удостоиваетъ ихъ точнаго счета и говоритъ, что ихъ у него около тысячи. Спрашивается, возможно ли вообще какое-нибудь увеличеніе числа чувствъ?

Вопросъ этотъ тѣмъ важнѣе, что внѣшнія чувства стоятъ какъ-разъ на границѣ между нашею вещественною и духовною природою; они представляютъ точку ихъ соприкосновенія, и слѣдовательно въ нихъ обнаруживаются свойства и той и другой природы. Если окажется, что новыя чувства невозможны, то мы будемъ имѣть нѣкоторое право заключать, что вообще иная духовная и вещественная природа для жителей планетъ невозможны.

Вопросъ хорошъ также потому, что кажется чрезвычайно простъ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ предположеніе другихъ чувствъ, сверхъ тѣхъ, какими обладаетъ человѣкъ. Самая легкость, естественность, повидимому даже

неизбѣжность такого предположенія какъ-будто ручается за его правдоподобіе.

Между прочимъ Августъ Контъ, тотъ философъ, который всячески старается ограничить человѣческія познанія и полагаетъ, что мы ничего не можемъ знать о звѣздахъ, - онъ смѣло принимаетъ новыя чувства, и слѣдовательно утверждаетъ за собою право населить отдаленнѣйшіе міры жителями съ иною жизнью, непохожею на нашу. Чтобы имѣть опредѣленное выраженіе такого мнѣнія о чувствахъ, приведу здѣсь его слова.

«Если потеря какого-нибудь важнаго чувства достаточна для того, чтобы совершенно скрыть отъ насъ цѣлый рядъ естественныхъ явленій, то мы имѣемъ полное право думать, что наоборотъ пріобрѣтеніе новаго чувства открыло бы намъ разрядъ фактовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого понятія, если только не будемъ полагать, что разнообразіе чувствъ, столь различное въ различныхъ типахъ животности, дошло въ нашемъ организмѣ до высочайшей степени,

какой только можетъ требовать всецѣлое изслѣдованіе внѣшняго міра, - предположеніе очевидно произвольное и почти смѣшное.»

Слова эти тѣмъ болѣе достойны вниманія, что едва ли не представляютъ сильнѣйшаго аргумента, на которомъ опирается философія Конта, философія, ограничивающая человѣческой умъ самыми тѣсными границами опыта и наведенія. Но основателенъ ли этотъ аргументъ?

Конечно Контъ совершенно правъ, говоря, что пріобрѣтеніе новаго чувства открыло бы намъ новые факты, но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, чтобы новыя чувства могли существовать. Если бы они были возможны, то очень хорошо бы было ихъ пріобрѣсти; но если ихъ вовсе нѣтъ, то нечего и хвалить ихъ и нечего за ними тянуться. Можно пожалѣть о слѣпомъ, потомучто ему недостаетъ чувства, которое мы знаемъ, которое дѣйствительно существуетъ. Но какое право имѣлъ бы Контъ жалѣть о человѣкѣ вообще, только на томъ основаніи, что у него не достаетъ чувствъ,

которыхъ онъ не знаетъ и которыя, можетъ быть, вовсе не существуютъ?

Разсужденія Конта въ этомъ случаѣ совершенно напоминаютъ знаменитый рогатый силлогизмъ. Чего ты не потерялъ, то имѣешь? Имѣю. А роговъ ты не потерялъ? Нѣтъ. Слѣдовательно ты имѣешь рога.

Такъ и Контъ обращается, положимъ, къ слѣпому. Ты могъ бы пріобрѣсти чувство, котораго теперь не имѣешь? Могъ бы. Но ты не имѣешь чувствъ, которыя есть у Микромегаса? Не имѣю. Слѣдовательно ты могъ бы ихъ пріобрѣсти. Силлогизмъ, который, въ-параллель рогатому, совершенно прилично назвать слѣпымъ.

Вообще можно быть лишена только того, что дѣйствительно есть; можно пріобрѣсти только то, что дѣйствительно существуетъ; поэтому можно и лишиться одного изъ нашихъ дѣйствительно существующихъ чувствъ, можно и пріобрѣсти его, если оно было потеряно. Но отсюда никакою логикою невозможно дойти до заключенія, что существуютъ еще многія неизвѣстныя

чувства. Если мы ихъ лишены, то можетъ быть по весьма простой и уважительной причинѣ - потомучто ихъ вовсе нѣтъ.

Такъ-какъ слѣпой силлогизмъ имѣетъ большую силу и встрѣчается чрезвычайно часто, и такъ-какъ Августъ Контъ есть философъ, заслужившій отъ многихъ большое уваженіе, то необходимо здѣсь объяснить, какой же дѣйствительный смыслъ имѣютъ его слова. Чтобы найти этотъ смыслъ, нужно, какъ оказывается, перевернуть его разсужденіе вверхъ ногами; тогда мы получимъ слѣдующій совершенно правильный ходъ мыслей.

Смѣшно думать, будто у человѣка есть всѣ чувства, какія возможны. - Вѣроятно есть многія чувства, которыхъ у него нѣтъ.

Но каждое чувство служить для воспріятія особыхъ явленій.

Слѣдовательно у человѣка нѣтъ возможности воспринимать многія явленія.

Такъ слѣпой лишонъ возможности воспринимать явленія свѣта.

Какъ читатель видитъ, слѣпой служить только частнымъ примѣромъ и поясненіемъ,

а никакъ не доказательствомъ. Главная же сила заключается въ томъ, что смѣшно предполагать у человѣка величайшее развитіе разнообразія чувствъ. Но въ доказательство правоты своего смѣха Контъ очевидно ничего не приводитъ. Въ самомъ дѣлѣ то, что онъ говоритъ о мнимомъ различіи чувствъ въ различныхъ типахъ животности, есть одинъ изъ тѣхъ грубыхъ промаховъ, которые особенно постыдны для него, какъ для философа, именующаго себя положительнымъ и ищущаго спасенія въ однихъ опытныхъ свѣдѣніяхъ, въ наукахъ математическихъ и естественныхъ. Дѣйствительно зоологи, побуждаемые слѣпымъ силлогизмомъ, нерѣдко предполагали новыя чувства у животныхъ; впрочемъ они, какъ люди, руководящіеся чистымъ опытомъ, имѣли на это полное право. Но опытъ и показалъ, что нѣтъ животныхъ съ особенными чувствами, что чувства у животныхъ всегда представляютъ только низшую ступень или одностороннее видоизмѣненіе тѣхъ чувствъ, какія есть у человѣка. На эти и подобныя опытыя

изслѣдованія даже всего лучше сослаться для того, чтобы доказать столь подозрительное для Конта совершенство чувствъ у человѣка. Органы внѣшнихъ чувствъ суть прибавки нервной системы, суть части, находящіяся въ тѣстнѣйшей зависимости отъ мозга. Глазъ даже есть ничто иное, какъ самый мозгъ, высунувшійся въ щели черепа и видоизмѣненный для особаго важнаго ощущенія. Слѣдовательно у человѣка, какъ у животнаго, имѣющаго самую совершенную нервную систему, самый большой мозгъ, и органы чувствъ въ своей совокупности должны быть выше, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ. Говорю - въ совокупности, потомучто легко можетъ быть и дѣйствительно замѣчено у животныхъ, что нѣкоторыя чувства ихъ развиваются сильнѣе, чѣмъ у человѣка. Но это развитіе всегда бываетъ одностороннее, а односторонность, какъ всегда легко доказать, есть недостатокъ, а не совершенство. Извѣстно на примѣръ, что у животныхъ обоняніе бываетъ развито

необыкновенно сильно; отъ этого происходитъ, что выборъ пищи или даже взаимное сближеніе опредѣляется запахомъ. О животныхъ говорятъ, что они снюхиваются. Очевидно однако же, человѣкъ нисколько не теряетъ отъ того, что запахъ не имѣетъ для него такой силы и значенія. Если въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ зрѣніе, слухъ и даже осязаніе должны играть главную роль, то отъ этого отношенія становятся только полнѣе, глубже и сильнѣе.

Впрочемъ судить о значеніи чувствъ для полного объема жизни очень трудно. Вообще же можно замѣтить, что нервная система, какъ органъ по преимуществу централизующій и уравнивающій отправленія нашего тѣла, необходимо должна установить наивыгоднѣйшія отношенія между ближайшими подчиненными ей органами. Если механическое устройство нашего тѣла нельзя подозрѣвать въ ошибку, то тѣмъ менѣе можно подвергать сомнѣнію превосходство системы нашихъ чувствъ.

Далѣе - наша система не только есть разнообразнѣйшая и наилучшая въ нынѣшнемъ животномъ царствѣ, - нужно прибавить еще, что лучше ея ни у какого будущаго или воображаемаго животнаго и быть не можетъ. Потомучто человѣкъ не только есть лучшее изъ животныхъ, но онъ есть послѣднее животное, воплощенный идеаль животной жизни, вершина, до которой достигло животное царство, какъ до своей цѣли. Таковую непревосходимость человѣка доказать не легко, но возможно; это доказательство похоже на рѣшеніе математическихъ задачъ о наибольшихъ и наименьшихъ. Говоря о механическомъ устройствѣ нашего тѣла, я привелъ нѣкоторыя черты доказательствъ, которыя могли бы несомнѣнно привести насъ къ непревосходимости человѣка какъ машины. Безъ всякаго сомнѣнія полное доказательство совершенства человѣка еще безконечно далеко отъ насъ. Но что мы найдемъ его и слѣдовательно можемъ быть заранѣе увѣрены въ результатъ, въ этомъ ручается самая наша способность

доказывать, наше мышление. Лучше самой себя эта способность ничего не знаетъ; она одна вполнѣ самодовольна, вполнѣ обладаетъ собою, ничѣмъ не стѣсняется и сама себѣ служить цѣлью. Она есть чистая дѣятельность, въ полномъ смыслѣ слова богоподобное явленіе нашей жизни. Существо, которое достигло такой дѣятельности, уже не можетъ идти дальше, не можетъ пріобрѣсти еще высшей дѣятельности. По этому человѣкъ, какъ крайнее существо природы, необходимо есть ея совершеннѣйшее существо. Найти совершенство человѣка есть такая же непремѣнная задача науки, какъ найти причины явленій. Какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что каждое явленіе имѣетъ свою причину, такъ нельзя сомнѣваться и въ совершенствѣ человѣка.

За тѣмъ можно сдѣлать заключенія въ такомъ порядкѣ:

Человѣкъ есть совершеннѣйшее животное, какое возможно.

Чувствительность или способность воспринимать внѣшнія впечатлѣнія есть коренная, существенная черта животнаго.

Слѣдовательно разнообразіе воспріятій и всякое другое ихъ достоинство достигло въ человѣкѣ до наибольшей возможной степени. Слѣдовательно другихъ чувствъ кромѣ нашихъ быть не можетъ.

Читатель чувствуетъ, что этимъ доказательствомъ дѣло не оканчивается, а только начинается. Въ самомъ дѣлѣ изъ него видно, что мы должны рассмотреть чувствительность или способность воспріятій и найти, какъ она развивается; изъ самой ея сущности мы должны вывести различныя формы, которыя она принимаетъ, и наконецъ показать, что ея формы у человѣка дѣйствительно представляютъ крайнюю степень ея развитія, полное обнаруженіе ея сущности. Такъ-что на этомъ пути предстоитъ намъ обширное поле изслѣдованій, которое едва только почато сравнительною фізіологіею животныхъ.

Ограничусь только не многими замѣчаніями. Можно напрімѣръ доказать, что внѣшнія чувства представляютъ въ извѣстномъ отношеніи три разряда, что кромѣ этихъ трехъ разрядовъ другихъ быть не можетъ и что всѣ эти разряды есть у человѣка.

Чувства сообщаютъ намъ впечатлѣнія, производимыя внѣшнимъ міромъ. Эти впечатлѣнія могутъ быть ощущаемы нами троякимъ образомъ.

1) Или только какъ ощущенія нашего собственнаго тѣла, какъ перемѣны, которыя въ насъ происходятъ.

2) Или только какъ явленія, которыя происходятъ внѣ насъ.

3) Или наконецъ какъ то и другое вмѣстѣ, какъ внѣшнія явленія, возбуждающія ощущенія въ нашемъ тѣлѣ.

Всего яснѣе это будетъ, если мы разсмотримъ самыя наши чувства. Сообразно съ предъидущимъ внѣшнія чувства будутъ трехъ родовъ.

1) Чувства субъективныя. Сюда принадлежатъ вкусъ и обоняніе. Мы ясно

чувствуемъ, что различные вкусы и запахи представляютъ только состояніе нашихъ органовъ, а не внѣшнія свойства вещей. Сахаръ, пока лежитъ въ сахарницѣ, самъ по себѣ не сладокъ; сладость является только, когда онъ на языкѣ; сладкій вкусъ есть состояніе нашего языка.

2) Чувства объективныя. Сюда принадлежатъ зрѣніе и слухъ. Видя и слыша, мы не замѣчаемъ въ себѣ никакихъ перемѣнъ или ощущеній; впечатлѣнія прямо являются намъ какъ внѣшніе предметы. Предметъ видимый или слышимый непременно является внѣ насъ.

3) Только при одномъ чувствѣ, при осязаніи, мы непременно и ясно различаемъ и внѣшній предметъ и ощущение, которое онъ производитъ въ тѣлѣ. Осязаніе поэтому можно назвать субъекто-объективнымъ чувствомъ.

Очевидно иныхъ формъ, дальнѣйшаго разнообразія въ этомъ отношеніи быть не можетъ. Каково бы ни было значеніе этого распаденія чувствъ на три рода, для насъ пока важно видѣть его возможность и

указать на то, что это возможное разнообразіе есть у человѣка.

Теперь нужно бы было, рассматривая каждый разрядъ отдѣльно, точно также найти, на чемъ основано различіе чувствъ, которыя къ нему принадлежатъ, и показать, что дальнѣйшаго различія также быть не можетъ. Вотъ что можно здѣсь привести.

Объективныхъ чувствъ только два - зрѣніе и слухъ. Явное и коренное различіе между ними состоитъ въ томъ, что зрѣніе преимущественно воспринимаетъ пространственныя отношенія, а слухъ - временныя. Слухъ замѣчаетъ только одни явленія и перемѣны, совершающіяся въ предметахъ; зрѣніе же воспринимаетъ самые предметы, расположенные вокругъ насъ. Впечатлѣнія слуха измѣнчивы и измѣряются временемъ; образы зрѣнія могутъ быть совершенно постоянны и измѣряются пространствомъ. Слухъ даетъ намъ музыку, гдѣ главное заключается въ различномъ совпаденіи, въ извѣстной продолжительности и послѣдовательности звуковъ; зрѣнію соответствуетъ красота,

гдѣ главное въ расположеніи, формахъ и размѣрахъ частей. Наконецъ звуками люди сообщаются между собою; звуки представляютъ выраженіе нашей внутренней душевной жизни. Свѣтъ есть наше главное сообщеніе со внѣшнимъ міромъ, съ природою, существующею внѣ насъ.

Слѣдовательно слухъ и зрѣніе въ своей дѣятельности приспособлены ко времени и пространству. Но извѣстно, что пространство и время суть двѣ существенныя формы природы; третьей подобной формы нѣтъ, а слѣдовательно и не можетъ быть новаго объективнаго чувства, которое бы могло стать на ряду съ зрѣніемъ и слухомъ. Здѣсь намъ слѣдовало бы строго доказать, что никакая новая форма въ родѣ пространства и времени невозможна. Но вопросъ этотъ очень трудень, и потому удовольствуемся пока тѣмъ, что мы дошли до него и видимъ связь между нимъ и нашимъ разборомъ чувствъ.

Субъективныхъ чувствъ обыкновенно считаютъ только два - вкусъ и обоняніе; но очевидно ихъ гораздо больше. Напримѣръ

чувство теплоты и холода, чувство сладострастія, голодь и т. д. совершенно входятъ въ разрядъ субъективныхъ чувствъ. Вкусъ и обоняніе можно считать только высшими изъ нихъ. Значеніе ихъ совершенно ясно: они относятся къ тѣмъ веществамъ, которыя мы принимаемъ въ организмъ - вкусъ къ пищѣ и питью, обоняніе къ воздуху. Слѣдовательно различіе ихъ основано на различіи въ состояніяхъ тѣлъ; жидкому состоянію соотвѣтствуетъ вкусъ, а газообразному - обоняніе. Твердому состоянію не можетъ соотвѣтствовать никакое чувство въ этомъ родѣ, т. е. такое, которое бы подобно вкусу и обонянію распознавало составъ тѣлъ; потомучто, по извѣстной аксіомѣ, тѣла дѣйствуютъ химически или своимъ составомъ, только находясь въ растворѣ - *corpora non agunt nisi soluta*. Теперь, еслибы мы доказали, что больше трехъ состояній тѣлъ быть не можетъ, то отсюда было бы ясно, что новыя чувства въ родѣ вкуса и обонянія невозможны.

Наконецъ можно догадываться, почему осязаніе есть единственное чувство въ своемъ разрядѣ. Оно даетъ намъ знать границы нашего тѣла; оно отдѣляетъ насъ отъ другихъ предметовъ. Какъ одна граница у нашего тѣла, такъ и ощущение этой границы одно.

Такъ-какъ прямая цѣль наша состоитъ не въ томъ, чтобы получить полное доказательство, но въ томъ только, чтобы показать приемы, которые ведутъ къ нему, то продолжимъ предъидущія разсужденія. Опредѣливши содержаніе каждаго рода воспріятій, можно бы изслѣдовать, на сколько это содержаніе воспринимается. Напримѣръ зрѣніе воспринимаетъ пространственныя отношенія; можно бы спросить себя, хорошо ли оно ихъ воспринимаетъ? Представьте себѣ, что передъ вами какой-нибудь обширный и разнообразный видъ. Въ вашихъ взорахъ рисуется огромная картина. Спрашивается, хорошо ли она изображаетъ дѣйствительность? Напримѣръ хорошо ли то, что далекіе предметы кажутся

маленькими, а близкіе большими? что одни предметы закрываютъ другіе? и т. д. Мы могли бы даже предложить себѣ самую общую задачу - построить, т. е. изобреѣсти, придумать сообразно съ данными условіями - наилучшее зрѣніе. Разрѣшая ее, мы безъ сомнѣнія пришли бы къ той самой формѣ зрѣнія, которая существуетъ у человѣка.

Подобному изслѣдованію можетъ быть подвержена дѣятельность и другихъ органовъ чувствъ.

Читатель видитъ, что существуетъ полная возможность доказать съ совершенною строгостью, что человѣкъ обладаетъ полнѣйшею системою внѣшнихъ чувствъ.

Въ тоже время совершенно ясно, что только этимъ же самымъ путемъ можно было бы достигнуть и опредѣленія какого-нибудь новаго чувства, если бы только такія чувства существовали. Но мы заранѣе увѣрены въ ихъ невозможности. Человѣкъ есть высочайшее чувствующее существо природы; а полагать, что у него недостаетъ какихъ-нибудь чувствъ, значитъ представлять, что не смотря на свое зрѣніе

и слухъ, онъ все-таки слѣпъ и глухъ къ ея явленіямъ. Чувствами природа не скупится; тѣже чувства, какія есть у богоподобнаго человѣка, есть и у множества другихъ животныхъ. Очевидно, далеко раньше человѣка она уже достигла полного разнообразія чувствъ. При томъ у самыхъ низшихъ животныхъ встрѣчаются уже зачатки даже высочайшаго нашего чувства - зрѣнія. А развѣ можетъ быть что-нибудь совершеннѣе зрѣнія и прекраснѣе свѣта? Развѣ можно представить себѣ чувство, котораго образы были бы еще объективнѣе; котораго впечатлѣнія воспринимались бы еще легче, еще быстрѣе, еще отчетливѣе; которое бы еще свободнѣе могло переноситься отъ кончика нашего собственнаго носа до безконечно далекихъ звѣздъ?

Свѣтъ есть совершенное подобіе мысли; когда мы хотимъ выразить полное пониманіе чего-нибудь, мы говоримъ, что мы это ясно видимъ, и лучше сказать невозможно. Глазъ обнимаетъ міръ такъ же легко, какъ обнимаетъ его мысль; при

помощи зрѣнія мы такъ же смѣло и свободно двигаемся и дѣйствуемъ среди вещественныхъ предметовъ, какъ смѣло и свободно движется мысль между предметами, которые уже въ ея власти, уже озарены ея свѣтомъ. Ясность зрѣнія такова, что очень нерѣдко мы ставимъ ее даже выше прозрачной и невозмутимой ясности мысли; намъ кажется, что мы яснѣе видимъ, чѣмъ мыслимъ.

И такъ, если нужно найти чувство, столь совершенное, что оно подобно самому разуму то таково именно зрѣніе; при томъ подобіе здѣсь до того строго и точно, что болѣе умоподобнаго чувства и вообразить невозможно.

Чувства, какъ для Микромегаса такъ и для насъ, суть ничто иное, какъ прислужники познанія и мышленія. Слѣдовательно лучшаго прислужника, какъ зрѣніе, невозможно найти.

Если же это умоподобное чувство дано даже несмысленнѣйшимъ животнымъ, то нелѣпо вообразать, чтобы обладатель разума, человѣкъ, былъ лишенъ какихъ-

нибудь еще чувствъ. Весь смыслъ животнаго царства заключается въ человѣкѣ; если животныя обладаютъ зрѣніемъ, то они обязаны этимъ только тому, что для разума нужно было зрѣніе. Стремясь къ человѣку, природа необходимо должна была производить многія человѣкоподобныя явленія. И теперь, когда она успѣла олицетворить свой идеаль, мы впадемъ въ грубую ошибку, если будемъ смотрѣть на человѣка, какъ на попытку вмѣсто свободнаго и полнаго созданія, какъ на пробу пера вмѣсто гармонической поэмы. Сказать, что у человѣка не всѣ чувства, значитъ очень унижить человѣка; не потому только, что отвергается его совершенство, а также и потому, что внѣшнія чувства не суть что-либо столь трудное и высокое, чтобы природа не могла достигнуть ихъ полнаго разнообразія и достоинства.

VI

Стремленіе унижить человѣка принадлежитъ уже съ давняго времени к самымъ

распространеннымъ челоѳческимъ стремленіямъ. Оно-то, какъ я указалъ и въ отношеніи къ Августу Конту, служитъ сильнѣйшею опорою убѣжденія въ неполности нашихъ органовъ чувствъ. Оно принимаетъ тысячи формъ и развѣтвленій и обнаруживается въ разнообразнѣйшихъ явленіяхъ умственного міра. Челоѳкъ - сынъ праха, рабъ грѣха, червь земли. Взглядъ, породившій этимъ выраженія, очевидно находитъ глубокой отзывъ въ душѣ челоѳка, потомучто также смотритъ на челоѳка и Вольтеръ, также разсуждаетъ и Лапласъ, упрекающій челоѳка въ суетной гордости. Что касается до Августа Конта, то онъ есть полный представитель того воззрѣнія, котораго очень часто держатся натуралисты. По его мнѣнію міръ представляетъ безконечное разнообразіе и челоѳкъ есть одно изъ безчисленныхъ существъ природы, въ отношеніи къ цѣлому міру совершенно ничтожное и по своимъ размѣрамъ и по своему содержанію. Въ другихъ мѣстахъ мірозданія, на другихъ планетахъ жизнь

міра виражається совершенно другими явленіями, имѣть другой смыслъ, другой корень, другую сущность.

Мы видѣли, какую ошибку постоянно дѣлають защитники челоѳческаго ничтожества. Величину земли они измѣряють безконечностію пространства, время нашей жизни - безконечностію вѣчности. Точно также число нашихъ чувствъ они сравнивають съ числомъ чувствъ Микромегаса, наши путешествія съ его прогулкою по млечному пути и т. д. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одна и таже ошибка; она же повторяется и во множествѣ другихъ случаевъ и встрѣчается въ безчисленныхъ видахъ.

Приведу здѣсь слова И. В. Кирѣевскаго, въ которыхъ такое направленіе мысли получило энергическое и глубокое выраженіе. Онъ говоритъ:

«Нѣтъ такого тупого ума, который бы не могъ понять своей ничтожности.....; нѣтъ такого ограниченнаго сердца, которое бы не могло разумѣть возможность другой любви, кромѣ той, которую возбуждають предметы

земные; нѣтъ такой совѣсти, которая бы не чувствовала невидимаго существованія высшаго нравственнаго порядка».

Изъ этихъ словъ видно, что ошибка, о которой мы говоримъ, имѣетъ глубокой корень и основана на чемъ-то существенно-свойственномъ человѣку. И дѣйствительно она составляетъ софизмъ, неизбежно увлекающій въ себя человѣческой умъ; его можно назвать самымъ общимъ, самымъ главнымъ софизмомъ человѣчества.

Чтобы изложить его всего проще, замѣтимъ, что онъ опирается на нашей способности отвлеченія, на той самой способности, которая образуетъ языкъ. Языкъ, какъ полный и точный выразитель мышленія, необходимо отражаетъ на себѣ и всѣ софизмы мысли. Поэтому мы можемъ вину мысли считать за вину языка, а это особенно удобно потому, что дѣйствительно мы чаще хватаемся за слова, чѣмъ за мысль.

И такъ мы можемъ сказать, что языкъ насъ обманываетъ, что слова суть постоянный источникъ ошибокъ. Въ самомъ дѣлѣ унасъ

есть слова - умъ, сила, время, любовь, чувство и т. д. Они не выражаютъ ничего дѣйствительнаго и опредѣленнаго; они значать тоже самое, что нѣкоторый умъ, нѣкоторая сила, нѣкоторое время и т. д. Между тѣмъ мы употребляемъ ихъ такъ, какъ будто они представляютъ что-то существующее и положительно опредѣленное. Такъ мы сравниваемъ нашъ человѣческій, слѣдовательно дѣйствительный умъ съ умомъ вообще, съ возможнымъ умомъ, и говоримъ: какъ слабъ человѣческій умъ. Нашу силу мы сравниваемъ съ силою вообще и говоримъ: какъ слабъ человѣкъ! Нашу любовь, дѣйствительное чувство, мы сравниваемъ съ любовью вообще и говоримъ: какъ ничтожна человѣческая любовь! Очевидно при этомъ мы завидуемъ совершенно-воображаемымъ предметамъ.

Вообще слова закрываютъ отъ насъ дѣйствительный міръ и заставляютъ жить въ воображаемомъ. Каждое слово необходимо имѣеть неопредѣленность, неограниченный объемъ, и мы

воображеніемъ стараемся наполнить весь этотъ объемъ. Возьмемъ на примѣръ слово - дерево. Оно представляетъ общій образъ, который мы принимаемъ за дѣйствительную форму вещей. Подъ этотъ образъ подходятъ не только всѣ деревья, какія мы видѣли, но можетъ подойти и безконечное число деревьевъ, которыя мы выдумаемъ сами; по этому ничто не остановитъ насъ и не помѣшаетъ намъ, если мы вздумаемъ каждую изъ безчисленныхъ планетъ посадить особенными деревьями. Точно такъ слово цвѣтъ представляетъ общее понятіе, подъ которое по видимому можетъ подойти безчисленное множество частныхъ понятій. Въ солнечномъ лучѣ семь цвѣтовъ; ничто не помѣшало Вольтеру дать Сиріусу тридцать девять простыхъ цвѣтовъ. Наконецъ тоже самое происходитъ при пониманіи словъ - внѣшнее чувство. Подъ этими словами разумѣется нѣчто общее, что есть и въ зрѣніи, и въ слухѣ, и въ осязаніи и проч. Ничто не указываетъ намъ на то, что это общее можетъ проявиться только въ пяти или вообще въ

опредѣленномъ числѣ частныхъ формъ, и вотъ мы легко воображаемъ неопредѣленное число чувствъ.

Слѣдовательно все сводится на то, что мы не видимъ связи между общимъ и частнымъ; слова всегда выражаютъ нѣчто общее, отдѣльныя черты, и мы привыкаемъ думать, что подъ это общее могутъ подходить безчисленныя частности. Такимъ образомъ мы готовы признать возможность безконечно разнообразныхъ комбинацій; міръ является хаосомъ, въ которомъ отдѣльныя черты вещей сочетаются по волѣ случая. Таковъ міръ словъ, но не таковъ дѣйствительный міръ. Въ немъ все связано и опредѣлено, все въ строгихъ отношеніяхъ. Науки стремятся именно къ тому, чтобы найти вездѣ эту правильную зависимость. Такъ ботаникъ, изучая растенія, стремится найти такое понятіе о растеніи вообще, чтобы изъ него истекали главные роды растеній; ему уже никакъ не придетъ въ голову возможность золотыхъ яблоковъ, или чего-нибудь подобнаго. Такъ зоологъ изъ своего научнаго понятія о животномъ

заключаетъ, что ни крылатыя лошади, ни исполинскія птицы и спруты невозможны. Физику и физиологу предстоитъ вопросъ, почему цвѣтовъ только семь; этотъ вопросъ очевидно того же рода, какъ тотъ вопросъ, который уже многократно старались разрѣшить физики, именно: отчего зависятъ три состоянія тѣлъ и слѣдовательно почему ихъ ни больше, ни меньше. Точно такъ наконецъ наука стремится и къ доказательству того, что внѣшнее чувство можетъ имѣть только формы, которыя есть у человѣка.

Какъ крайній и замѣчательный примѣръ того хаотическаго понятія о мѣрѣ, которое рождается отъ миража словъ, приведу здѣсь замѣтку о пространствѣ. Извѣстно, что пространство имѣетъ три измѣренія - длину, ширину и глубину. Въ Аналитической Геометріи Брашмана, учебникъ бывшемъ въ большомъ употребленіи у насъ, на одной изъ первыхъ страницъ сказано, что если бы мы имѣли другое устройство чувствъ, то, можетъ быть, пространство имѣло бы для насъ

другое число измѣреній, на примѣръ четыре. Безъ сомнѣнія это самое смѣлое предположеніе изъ всѣхъ, которыя я приводилъ. Оно почти похоже на то, какъ если бы сказать: можетъ быть, есть планеты, гдѣ дважды два не четыре, а пять. Въ самомъ дѣлѣ пространство есть нѣчто понимаемое нами также ясно и отчетливо, какъ и дважды два; какъ изъ дважды два слѣдуетъ четыре, не больше и не меньше, такъ и изъ понятія о пространствѣ слѣдуетъ, что въ немъ три измѣренія, ни больше ни меньше. Когда мы говоримъ дважды два, мы дѣлаемъ помноженіе; точно также мы производимъ нѣкоторое дѣйствіе надъ пространствомъ, когда ищемъ его измѣреній; результатъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ непременно будетъ несомнѣнный. Можно вѣдь разсматривать пространство не по тремъ измѣреніямъ. Смотрите на него изъ точки; тогда окажется, что пространство изъ каждой точки идетъ по всѣмъ направленіямъ. Въ этомъ состоитъ его существенный характеръ; въ немъ возможны всѣ

направленія и всѣ разстоянія; только потому оно и пространство. Слѣдовательно мы знаемъ не какое-нибудь частное и особенное пространство, но единственное возможное.

И потому нельзя предполагать, что на однѣхъ планетахъ въ пространствѣ считаютъ четыре измѣренія, на другихъ десять, на третьихъ сто, тысячу и т. д.

Впрочемъ, сколько бы мы примѣровъ ни приводили, сами по себѣ они не будутъ вполне убѣдительно. Но они могутъ послужить для того, чтобы разъяснить общее доказательство; а общее доказательство можетъ проистекать только изъ одного источника, изъ свойствъ самого мышленія, т. е. должно привести насъ къ положенію - иначе мы мыслить не можемъ.

И такъ замѣтимъ, что мышленіе возможно только при опредѣленности понятій и необходимости выводовъ. Поэтому если мы возьмемъ вещество, то должны представлять его чѣмъ-то опредѣленнымъ; изъ этой сущности его должны необходимо вытекать его свойства, такія, а не другія.

Отъ свойства вещества необходимо зависятъ всѣ его явленія. Если человѣкъ имѣеть въ своемъ составѣ извѣстное вещество и извѣстныя вещественныя явленія, то только при этомъ веществѣ и этихъ явленіяхъ человѣкъ можетъ-быть человѣкомъ. Мыслить созданіе природы, которое было бы выше человѣка, невозможно. Слѣдовательно невозможно предполагать, чтобы на другихъ планетахъ жизнь проявилась совершеннѣе или даже иначе, чѣмъ на планетѣ, гдѣ высшее существо есть человѣкъ.

VII

Все предыдущее должно привести насъ къ тому, что если мы будемъ послѣдовательно проводить взглядъ, господствующій въ современныхъ изслѣдованіяхъ природы, если не увлечемся тѣмъ мнѣніемъ, которое приводитъ Вольтеръ въ своемъ Микромегасѣ, т. е., что будто-бы возможнаго больше, чѣмъ мы думаемъ; то

мы будемъ разсуждать слѣдующимъ образомъ:

Лапласъ доказаль, что солнечная система образовалась постепенно изъ одного туманнаго шара, слѣдовательно въ основѣ всей системы лежитъ одно и тоже вещество. Но мы видимъ, что образованіе планетъ шло неодинаковымъ путемъ. Дальнѣйшія планеты, которыя образовались раньше всѣхъ, очень рыхлы, велики, быстро обращаются около оси, имѣютъ много спутниковъ, а одна даже кольцо. За тѣмъ вѣроятно произошолъ сильный переворотъ, и образовался цѣлый поясъ мелкихъ планетъ, которыхъ теперь считаютъ многими десятками; Послѣ этого перелома началось опять болѣе правильное образованіе планетъ ближайшихъ къ солнцу, къ которымъ принадлежитъ и земля. Эти планеты меньше первыхъ, но плотнѣе, обращаются около оси медленнѣе и только одна изъ нихъ въ видѣ какого-то преимущества имѣетъ спутника, именно земля имѣетъ луну.

Очевидно планеты перваго и втораго

періода, не только по отдаленности отъ солнца, но и по особенностямъ своего образованія, можетъ быть, вовсе негодятся для организмовъ. Что организмы существуютъ на нѣкоторыхъ планетахъ третьяго періода, на примѣръ на Марсѣ, это весьма вѣроятно. Но полного своего развитія организмы достигли только на землѣ; потомучто на землѣ явился человѣкъ, признакъ окончательнаго довершенія органической жизни. Другія же планеты, не представляя тѣхъ же условій, какъ земля, между-тѣмъ какъ эти условія необходимы для всецѣлаго развитія органической жизни, не могутъ имѣть человѣка. Что они пусты, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго и страннаго; въ этомъ отношеніи солнечную систему можно сравнить съ большимъ деревомъ. Земля представляетъ прекрасный цвѣтокъ или вкусный плодъ этого дерева; остальные планеты и солнце - его листья, сучки и стволъ. Сравненіе съ животнымъ еще удобнѣе; земля, говоря по старому, есть

сердце солнечной системы, а по поводу - полушарія большого мозга.

Звѣзды суть безъ сомнѣнія другія солнца. Никакой разницы между ними не замѣчено, и существованіе планетъ около каждой звѣзды почти также вѣрно, какъ сходство свѣта отъ солнца и отъ звѣздъ. Слѣдовательно почти около каждой звѣзды мы можемъ вообразить себѣ планету, находящуюся совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ земля; на такой планетѣ необходимо долженъ явиться человѣкъ. Если же многія звѣзды и не имѣютъ планетъ подобнаго рода, то опять тутъ нѣтъ ничего особеннаго или страннаго. Какъ на землѣ встрѣчаются пустыри и голыя мѣста безъ всякаго признака травы, такъ и въ безконечной области міра легко могутъ встрѣчаться цѣлыя полосы звѣздъ, не успѣвшихъ образовать ни одной планеты, подобной землѣ.

Таковъ самый простой и правильный взглядъ на жителей планетъ. Можно сказать, что это и самый обыкновенный взглядъ. Простые смертные, не увлекаясь

ни философскими фантазіями, въ родѣ Вольтера, ни боязливымъ скептицизмомъ ученыхъ мужей, конечно всего естественнѣе предполагали, что если другіе міры населены, то тамъ находятся такія же существа, какъ на землѣ. Весьма замѣчательно, что этотъ взглядъ былъ подробно развитъ еще въ то время, когда только-что взяла перевѣсъ Коперникова система и когда изъ-за нея еще длилась ожесточенная борьба, возбужденная несчастною судьбою Галилея. Именно Гюйгенсъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ математиковъ и астрономовъ, написалъ сочиненіе о жителяхъ планетъ; оно долго его занимало и вышло въ свѣтъ только послѣ его смерти, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Christiani Hugeni (((((((((((, sive de Terris Coelestibus, earum que ornatu. Nagrae Comitum, 1698. То есть:

Зритель міра, или о небесныхъ странахъ и ихъ убранствѣ(*).

Въ этой книгѣ авторъ старается послѣдовательно и строго доказать, что

жители иныхъ міровъ должны во всѣхъ существенныхъ чертахъ походить на людей, и точно также другіе организмы должны походить на нашихъ животныхъ и наши растенія. Соображенія его чревычайно просты и часто поражаютъ своею неизысканною мѣткостію. Такъ на примѣръ онъ разсуждаетъ о животныхъ. Животныя планетъ, говоритъ онъ, конечно могутъ различаться отъ нашихъ, но эта разница должна быть незначительна въ сравненіи съ тѣмъ различіемъ, которое мы находимъ между разными нашими животными. Въ самомъ дѣлѣ, животныя необходимо должны двигаться; а движеніе можетъ быть только трехъ родовъ: или по воздуху - летаніе, или въ жидкости - плаваніе, или по твердой сушѣ - хожденіе и бѣганіе. Слѣдовательно и на планетахъ должны быть эти же три рода животныхъ, летающія, плавающія и бѣгающія. У летающихъ должны быть крылья, у бѣгающихъ ноги и т. д.

Какъ математикъ и астрономъ, Гюйгенсъ особенно ясно былъ убѣжденъ въ томъ, что

и математика и астрономія существуютъ на планетахъ. Что мы считаемъ истиною въ математикѣ, говоритъ онъ, то истина и для цѣлаго міра. Если жители планетъ существа разумныя, то и они должны изобрѣсти геометрію, логарифмы и т. д. Они должны наблюдать небо, и эти наблюденія необходимо будутъ похожи на наши. Положеніе и разстояніе свѣтилъ они должны измѣрять углами, какъ дѣлаемъ мы; слѣдовательно у нихъ необходимо для этихъ наблюденій должны быть и такіе же угловые снаряды, раздѣленные на градусы и т. д.

Такими и подобными соображеніями Гюйгенсъ старается доказать, что разумные жители планетъ должны имѣть руки и ноги и тѣже внѣшнія чувства, какъ у насъ; что они должны говорить, должны наслаждаться музыкой, жить въ обществахъ и т. п. Доказательства его не всегда сильны и строги; но всегда вѣрны въ основаніи. Онъ ошибается именно тамъ, гдѣ вздумаетъ предположить разницу между людьми и жителями планетъ. Напримѣръ

онъ говорить, что у этихъ жителей можетъ быть другая форма носа и другое положеніе глазъ; что лицо такого рода для насъ должно казаться отвратительнымъ, но что тамъ, на планетахъ, вѣроятно къ нему привыкли и находятъ его красивымъ. Гюйгенсъ ошибается; потому что и форма носа и положеніе глазъ у насъ неслучайны, но съ величайшею строгостію вытекаютъ изъ всего остального устройства нашего тѣла. Форма для организма есть дѣло существенное, и предполагать случайныя формы въ такомъ организмѣ, какъ человѣкъ, невозможно.

Но вообще книга Гюйгенса, которую мало знаютъ и кажется вообще принимаютъ за неудачную фантазію, неприличную для ученаго мужа, оставляетъ послѣ себя чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ то время, когда она писана, естественныя науки еще недавно поднялись и открывали свою эру первыми, хотя гигантскими шагами. И что же? Читая Гюйгенса, нельзя безъ удивленія видѣть, что всѣ послѣдующія открытія не только не

опровергають его взгляда, но могли бы служить для большаго его подтвержденія. Если бы Гюйгенсъ теперь писалъ свою книгу, онъ нашолъ бы для своей мысли несравненно больше доказательствъ; онъ могъ бы развить ее гораздо точнѣе и строже.

Отсюда видно, что мысль Гюйгенса принадлежитъ къ числу тѣхъ простыхъ и вѣрныхъ мыслей, которыя переживаютъ вѣка. Какъ я уже замѣтилъ, до-сихъ-поръ направленіе астрономіи таково, что она все болѣе и болѣе доказываетъ однообразіе міра. Не дѣлаетъ ли величайшей чести Гюйгенсу то, что онъ такъ вѣрно и просто понялъ новый духъ, проникавшій въ его время въ изслѣдованія природы?

И такъ, соглашаясь съ Гюйгенсомъ, мы приходимъ наконецъ къ самому легкому и ясному міросозерцанію. До безконечности идутъ системы планетъ; въ этихъ системахъ встрѣчаются планеты подобныя землѣ; на нихъ развивается органическая жизнь и во главѣ ея является человѣкъ. Вездѣ, до самой глубины небесъ, таже геометрія,

астрономія и музыка, такіе же глаза и такіе же носы.

Едва ли однако же мы останемся довольны такимъ мірозданіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, от насъ и до безконечности небесъ - все одно и то же; какое страшное однообразіе! Къ чему это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій? Каждая обитаемая планета есть атомъ, теряющійся въ пучинѣ неба; а все мірозданіе есть безпредѣльное накопленіе такихъ атомовъ, подобныхъ другъ другу; между ними нѣтъ никакой связи, никакого общаго центра; ничего цѣлаго нѣтъ въ мірѣ и нѣтъ никакого смысла въ цѣломъ мірѣ.

Чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ здѣсь противорѣчіе, перенесемъ изъ отношеній пространства въ отношенія времени; мы увидимъ, что этотъ тотъ же самый вопросъ. За однимъ поколѣніемъ людей, идетъ другое; за одною жизнью слѣдуетъ новая жизнь; такимъ образомъ и здѣсь намъ является неопредѣленное число повтореній одинаковой жизни. Но извѣстно, что мы не смотримъ на эти повторенія, какъ на смѣну

совершенно тождественныхъ явленій; мы обыкновенно думаемъ, что старыя поколѣнія хотя отчасти служатъ для новыхъ, что жизнь не совсѣмъ теряется, но постепенно нарастаетъ, что въ цѣломъ человечество дѣлаетъ успѣхи. Только при такомъ взглядѣ исторія получаетъ смыслъ, и жизнь озаряется свѣтомъ и тепломъ. Въ самомъ дѣлѣ взглядъ, противоположный этому и видящій въ исторіи вѣчное круженіе около одной точки, есть взглядъ полного отчаянія. Жалобу Соломона, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, повторяли именно люди, мрачно глядѣвшіе на міръ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть печальнѣе?

Ты правъ, божественный пѣвецъ:
Вѣка вѣковъ лишь повторенье!
Сперва свободы обольщенье,
Гремушки славы наконецъ;
За славой - роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ - изящные пороки,
Глухое варварство потомъ....

Мы такъ не думаемъ и, кажется, не ошибаемся. Едва ли можно сказать, что наша эпоха есть повтореніе египетской или греческой или римской эпохи; мы думаемъ, что всѣ онѣ послужили намъ, были опорой для нашей эпохи и что мы съумѣли воспользоваться этою прошлою жизнью. Такъ мы желали бы смотрѣть и на весь міръ, на жителей планетъ. Если бы жители одной планеты имѣли хотя какое-нибудь вліяніе на жителей другой, какъ это предполагалъ между прочимъ Карль Фурье, то это было бы болѣе согласно съ нашими понятіями о значеніи жизни.

Принимать, что міръ на всемъ своемъ протяженіи состоитъ изъ безконечнаго ряда отдѣльныхъ повторяющихся явленій, для насъ также странно, какъ принимать, что исторія есть безпредѣльное послѣдовательное повтореніе одинаковыхъ событій. Какъ исторію мы представляемъ себѣ связною, цѣлою, такъ и міръ мы желали бы представлять связнымъ и цѣлымъ.

Собственно говоря, мы теперь сравниваемъ не совсѣмъ однородные предметы; но мы легко можемъ дойти и до точныхъ сравненій. Исторія человѣчества есть развитіе и слѣдовательно когда-нибудь должна довершиться, окончиться. Принимать безконечный прогрессъ невозможно; безконечное путешествіе безъ достиженія цѣли совершенно равняется безконечному круженію или стоянію на одномъ мѣстѣ.

Напротивъ, чѣмъ глубже мы признаемъ прогрессъ, чѣмъ правильнѣе и непрерывнѣе его предположимъ, тѣмъ яснѣе окажется, что онъ долженъ современемъ завершиться. И такъ предположимъ, что жизнь человѣчества образуетъ правильный циклъ; представимъ себѣ, что этотъ циклъ окончился, и спросимъ себя, что тогда будетъ? Вопросъ этотъ совершенно одинаковъ съ вопросомъ о жителяхъ планетъ; мы знаемъ циклъ органической жизни, которая царитъ на землѣ; переносимся мыслью на планеты и спрашиваемъ: что тамъ дѣлается?

Слѣдовательно и отвѣтъ будетъ одинаковый. Т. е. не можетъ быть ничего другого, кромѣ новаго появленія той же жизни; у насъ или на другихъ планетахъ долженъ начаться опять тотъ же циклъ и долженъ также развиться и кончиться. Эта мысль о безконечномъ повтореніи тѣхъ же цикловъ жизни также обыкновенна для человѣческаго ума, какъ и мысль о жителяхъ планетъ. Вмѣсто многихъ примѣровъ приведу здѣсь мнѣніе древнихъ стоиковъ, какъ излагаетъ его Немезій. «Стоики говорятъ, что когда планеты по широтѣ и долготѣ придутъ въ тѣ созвѣздія, въ которыхъ они находились сначала, при твореніи міра, то произойдетъ всемірный пожаръ и разрушеніе, а потомъ изъ сущности возстанетъ міръ въ прежнемъ видѣ. А такъ какъ звѣзды должны вращаться подобнымъ прежнему образомъ, то все бывшее въ предъидущемъ періодѣ, повторится безъ перемѣны. Снова явятся Сократъ и Платонъ, снова явится каждый человѣкъ съ тѣми же друзьями и согражданами. Тѣ же настанутъ повѣрья, тѣ

же встрѣчи, тѣ же предпріятія, тѣ же построются города и деревни. И такое возстановленіе всего произойдетъ не одинъ разъ, но будетъ происходить многократно, или лучше сказать безъ конца.»

Не смотря на старыя слова и понятія, мысль выражена съ замѣчательною точностію и основательностію. Звѣзды должны вращаться подобнымъ прежнему образомъ, это значитъ - должны наступить тѣ же причины и онѣ произведутъ тѣ же слѣдствія. Явятся Сократъ и Платонъ, это значитъ - мысль человѣческая пойдетъ тѣмъ же путемъ и будетъ претерпѣвать тѣже превращенія.

Что же возмущаетъ насъ противъ подобныхъ взглядовъ? Очевидно - потерянная связь между явленіями, потерянное единство міра. Воображая безчисленное множество планетъ, населенныхъ людьми, мы разрываемъ міръ въ пространствѣ на безчисленныя отдѣльности; воображая безконечное повтореніе цикловъ жизни, мы разрываемъ время на безконечное число частей, не

имѣющихъ одна для другой никакого значенія. Такое пониманіе противно самой сущности человѣческаго ума; какъ я сказалъ, всѣ цѣли науки сосредоточиваются въ томъ, чтобы найти связь между явленіями, найти ихъ взаимную зависимость и слѣдовательно ихъ единство. И если въ чемъ-нибудь другомъ мы готовы допустить безконечное, не имѣющее смысла повтореніе явленій, то такое повтореніе всего менѣе мы можемъ принять въ явленіяхъ ума, въ духовной человѣческой жизни, въ глубочайшей жизни человѣчества. Намъ кажется нелѣпымъ, неразумнымъ, чтобы духовныя явленія пропадали. Мы съ неистощимымъ презрѣніемъ смотримъ на Китайцевъ за то, что для нихъ пропадаетъ вся наша европейская жизнь; что они ея не ищутъ, а отталкиваютъ; а сами мы гордимся тѣмъ, что мы наслѣдники умственной жизни Римлянъ и Грековъ и даже древнихъ Индійцевъ и что теперь каждое открытіе, каждая мысль, гдѣ бы они ни родились, отзываются во всѣхъ концахъ

образованнаго міра. Мы стремимся съ жадностію поглощать всѣ явленія духа, каковы бы они ни были.

Такъ точно мы судимъ и о планетахъ. Если тамъ есть иная жизнь, иное проявленіе разума, то величайшая нелѣпость, какая существуетъ въ мірѣ, самая рѣзкая дисгармонія, самое невыносимое противорѣчіе состоитъ въ томъ, что мы не имѣемъ сообщенія съ этою жизнью. Мы чувствуемъ въ себѣ неутолимую жажду иной жизни, мы сознаемъ себя совершенно способными къ ней и готовы, какъ Вольтеръ, дружески, на равной ногѣ разговаривать съ самимъ господиномъ Микромегасомъ и со всякимъ другимъ жителемъ планетъ.

Отправляясь на планеты, мы именно искали иной жизни; намъ хотѣлось найти болѣе глубокое выраженіе того, что мы чувствуемъ въ себѣ, болѣе полное воплощеніе нашихъ идеаловъ. Если же этого нѣтъ, если тамъ такіе же люди, то разумѣется для насъ совершенно все равно, живутъ ли они или нѣтъ. Знакомясь съ

новыми лицами, путешествуя по далекимъ странамъ, изучая современные или древніе народы, мы любопытны потому, что надѣмся на иную жизнь, на что-нибудь новое, хотя вытекающее изъ того же источника. Поэтому, если на планетахъ тоже, что на землѣ, намъ и не любопытно и не нужно знакомиться съ ними. У нихъ есть Сократъ и Платонъ; но у насъ они тоже есть; у нихъ геометрія и музыка, но мы точно также занимаемся и геометріею и музыкаю. Повторяются ли эти явленія бесконечно или существуютъ только въ одномъ мѣстѣ, для насъ все равно; къ сущности жизни отъ этого ничего не прибавится. Міръ теряетъ всякую стройность и занимательность; рассматривая его въ цѣломъ составѣ, мы получаемъ образъ, который не только не выше, не свѣтлѣе, но несравненно ниже образа челоѳчества на землѣ. Міръ не имѣетъ центра и не имѣетъ исторіи; населенныя планеты образуютъ не общество, а стадо; бесконечные циклы

жизни образуютъ не исторію, не жизнь, а прозябаніе, растительное повтореніе.

Что же намъ дѣлать для того, чтобы избѣжать этого противорѣчія? Остается одно - уничтожить всѣхъ жителей планетъ. Это мы всегда можемъ сдѣлать и замѣтимъ при томъ, что это есть единственная переменна въ мірозданіи, которая еще остается въ нашей власти. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я уже замѣтилъ, предполагать иныя, лучшія или высшія существа есть всегда дѣло трудное и даже невозможное; но предполагать отсутствіе какихъ бы то ни было существъ всегда легко и не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Мы можемъ сказать, что не смотря на безчисленныя системы планетъ, ни въ одной изъ нихъ не удалось образоваться такой планетѣ, какъ земля. Въ настоящее время, какъ извѣстно, звѣздная астрономія старается опредѣлить зависимость нашего солнца отъ звѣздъ. Если найдется звѣзда, около которой обращается солнце, и будутъ найдены другія солнца, обращающіяся около той же звѣзды, то мы можемъ

сказать, что наше солнце - совершенно особенное и что другія звѣзды, болѣе близкія или далекія въ отношеніи къ центральному солнцу, по самой сущности дѣла не годятся для образованія планетъ, подобныхъ землѣ. Такимъ образомъ, чѣмъ дальше пойдутъ успѣхи звѣздной астрономіи, чѣмъ глубже она успѣетъ проникнуть во взаимную связь цѣлаго мірозданія, тѣмъ яснѣе можетъ обнаружиться, что звѣзды такъ или иначе были связаны съ образованіемъ нашей солнечной системы и что слѣдовательно ихъ можно полагать пустыми.

Что же мы выведемъ изъ всего этого? Очевидно то, что человѣкъ можетъ и даже необходимо долженъ смотрѣть на свою жизнь такъ, какъ будто весь остальной міръ пусть, и какъ будто за цикломъ жизни человѣчества не послѣдуетъ никакого новаго цикла. Пустота, которую мы такимъ образомъ предположимъ вокругъ себя, не есть что-нибудь страшное и нелѣпое; потомучто пустота не требуетъ необходимо содержанія, которое бы ее наполнило, но на

оборотъ содержаніе необходимо требуетъ пустоты, требуетъ мѣста, чтобы занять его, т. е. пространства и времени. Одинъ день или часъ жизни значить больше, чѣмъ цѣлая пустая вѣчность, и одно живое существо больше, чѣмъ цѣлое небо мертвыхъ звѣздъ.

Вотъ въ чемъ состоятъ, говоря словами Лалпаса, наши истинныя отношенія къ природѣ.

Какая гордость! скажетъ читатель. Уже ли человѣкъ можетъ ставить себя такъ высоко? Ужели онъ можетъ считать себя въ этомъ мірѣ за единственное богоподобное существо? Дѣйствительно гордость велика; но не забудьте, что она прилична только человѣку вообще, а не намъ съ вами въ частности. И чѣмъ выше мы будемъ ставить человѣка вообще, тѣмъ скромнѣе должны быть сами: но за то тѣмъ полнѣе и глубже будутъ удовлетворены наши глубочайшія и завѣтнѣйшія стремленія. Если въ насъ существуетъ неутолимая жажда иной жизни, то этотъ человѣкъ вообще, истинно богоподобный человѣкъ, есть неисчепаемый

источникъ для ея утоленія. Мы любимъ жить въ тѣсномъ кружкѣ нашихъ понятій, въ узкомъ мірѣ нашей личности; понятно, что душа бьется и просится изъ этого міра. Постараемся выйти изъ него; вмѣсто того, чтобы путешествовать на планеты, вникнемъ внимательно въ жизнь другихъ людей; мы откроемъ въ ней новые міры, богатые еще невѣдомой для насъ красотой и силой. Точно также, вмѣсто того чтобы мечтать о далекихъ грядущихъ вѣкахъ, мы должны благоговѣнно смотрѣть на доступное намъ будущее. Душа должна быть вполнѣ раскрыта для вѣянія новаго духа, для новыхъ откровеній, для разоблаченія дѣйствительныхъ тайнъ, потомучто нѣтъ ничего таинственнѣе будущаго.

И въ подтвержденіе такого взгляда на жизнь можно привести тѣ самыя слова Кирѣевскаго, которыя мы указали выше. Нужно было бы только измѣнить изъ такъ: «Нѣтъ такого тупого ума, который бы не могъ - понять своей ничтожности и преклониться передъ силою человѣческаго

генія; нѣтъ такого ограниченнаго сердца, которое бы не могло разумѣть возможность другой любви, несравненно выше и чище той, которую оно само питаетъ; нѣтъ такой совѣсти, которая бы не могла благоговѣть передъ нравственнымъ величіемъ челоуѣка.»

Н. СТРАХОВЪ

1860 г. 1 Декабря

(*) С греческого - мало-великій. Прим. пер.

(*) Галилей умеръ въ 1642 г. Фонтенелевы разговоры о множествѣ міровъ явились въ 1686 году, и ихъ необыкновенный успѣхъ зависѣлъ также отъ смѣлости его мнѣній для того времени. Гюйгенсъ упоминаетъ объ этихъ разговорахъ; но они ни въ чемъ не могли представить ему пособія или указанія.